

Сборник военных стихов

Сергеев Владимир Иванович, участник ВОВ

О г л а в л е н и е

Сборник военных стихов	1
СТИХИ НАПИСАННЫЕ СЕРДЦЕМ!	2
1944г	4
Ода 1924 году рождения	5
Война!	7
Мой друг! # Декабрь 1941 года # Сталинград	8
Катюша # «За отвагу»	11
«Посиделки на войне»	13
Ленинград	14
«ВТОРОЙ ФРОНТ»	16
Рейментаровка, Васильевка	19
ВАНЯ! # Сестра, чаю!	21
1944 год # Лопато	22
Что сильнее?	24
Страх?	25
Мальчики	26
Безнадёжность	28
Долго жить	30
МОРАВА	31
Накось — выкуси... ..	32
ХОББИ	34
Подруги	35
Грубость? # Май! # Капитуляция # Обозники	36
Память! # На караул # Орлена... ..	41
Коммунизм # В Лету... ..	42
Год Обезьяны # Налимы # Год козла	44
СЫНЫ, МОИ!	46
Год петуха # Год Собаки	47
Пушкин # Ветеран # Москве — 850 лет	48
Мамаша! # Совету Матерей # Смирнову Ю.А.	49
АМЕРИКА! # Вахта памяти	51
Я — коммунист!	53
На завалинке # ЗА ОБОРОНУ ЗАПОЛЯРЬЯ	54

СТИХИ НАПИСАННЫЕ СЕРДЦЕМ!

Стихи — душа народа! В них проявляются отношения ко всему происходящему в обществе и в мире.

Они учат, воспитывают и воодушевляют, пробуждают лучшие качества характера, патриотизм и любовь к своему народу, к Родине!

Это строки, написанные по зову совести и сердца, а не по заказу, - в них чистота помыслов, искренность, правда и память, честность и честь. (Таково мнение о сборнике Сергеева Владимира Ивановича)

Не претендуя на совершенство или «современность» литературного изложения, они просты, понятны всем и сердечны. В них описаны частные или общие эпизоды реальной жизни и дней войны, много добрых слов памяти о боевых товарищах-побратимах, искренняя суровая оценка своих личных мнений и поступков — вот основная цель работы автора.

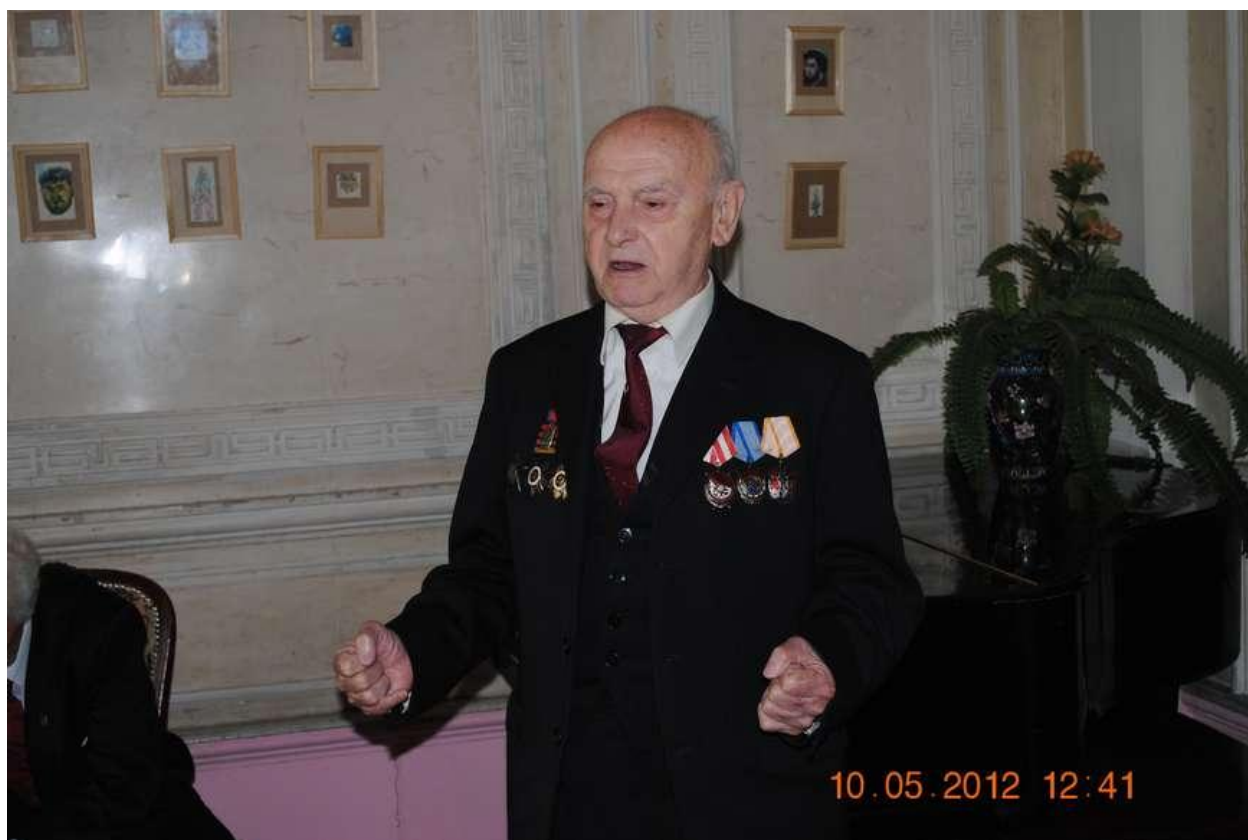
Автор прямой честно пишет о войне, вспоминает и оценивает только то, чему он сам был свидетелем или участником, излагает свое видение событий... Это и пенно в своей неприкрытой правдивости, это великая память о друзьях на его жизненном пути.

Это особенно важно сегодня, в годовщину 60-летия Великой Победы, когда с официальной оценкой ее значения, поднимается волна вседозволенности, бездуховности, оголтелого очернения всего народа, его истории и героев.

Объединяла народ и защитила Государство.

В.Ф. Пискунов Полковник в отставке,
Почетный председатель Совета Инженерных войск,
Московского комитета ветеранов войны

1924 года рождения. С 1943 года на фронте. Последние восемь месяцев войны командир Стрелкового батальона 315 Харьковско-Бухарестской ордена красного знамени стрелковой дивизии. Пять раз был ранен. Прошел всю Европу. 4 боевых ордена, 2 ордена трудовых (Трудового Красного знамени и Знак почета), Заслуженный конструктор России. Лауреат Международного конкурса "Страница семейно славы 2010".

Июнь — надеждами светился!
 Шагами, меряя перрон,
 Прощаньем грустным я томился,
 С мольбой, взирая на вагон.
 Плечом к плечу — моя любовь,
 Июньской зелени нежней.
 Тревожно в нас стучала кровь —
 Листвы мы были зеленей...
 Недолго длилась радость встречи...
 Вновь подлечили и на фронт.
 Какие тут могли быть речи?
 В кровавой дымке — горизонт.

Гудок — прощальный паровоза!
 Стуча, задвигался состав,
 А в сердце, будто бы заноза
 Вошла, до боли разум сжав.
 Состав стучит, состав бежит,
 Мы тоже ускоряем шаг.
 Её рука в моей дрожит...
 Разлука — самый страшный враг.
 Приводит в чувство — хвост состава,
 Он удаляется, гремит...
 Я — счастье сжал, но боль сустава,
 «Спеши, спеши» — мне говорит.
 Навечно слились в поцелуе...
 Для нас — остановился мир!
 Рванулся я из томной сбруи:
 «Пора, пора на новый пир».
 Лечу, не чуя ног вдогон,
 Лишь вижу поручни, ступени,
 Сержанта, старшины погон...
 Сидят спокойно, словно тени.
 В усах дымятся самокрутки,
 Грудь расцветил ранений кант,
 Грустны, глаза, как незабудки:
 «Скорее, прыгай, лейтенант!»
 Бегу, в висках клокочет кровь,
 Как бы рука не подвела,
 И только крыльями любовь
 На ту подножку подняла.
 Инерция прибила к двери.
 Гляжу — она еще стоит.
 Креп фиолетовый, прозрачный
 Всю зрелость тела обнажил...
 Рисунок был такой удачный —
 Невольно всех заворожил.
 Казалось, сердце разорвётся,
 Мои мучения — страшны...
 «Какой товар то остаётся,
 Эх!» — слышу вздохи старшины.
 Вначале — я вспылел, ей Богу,
 На эту пошлость старшины...
 Потом — смеялся всю дорогу.
 Нет, больше — до конца войны!
 15.03.83г.

Ода 1924 году рождения

Прошрое, как на экране,
Как прочитано в романе...
Трудно только показать,
Невозможно передать:
Радость солнечного детства,
Милой юности кокетства
И, держа бокал с вином,
Повторить путь за столом.
Году год идёт на смену,
Всем несёт он перемену...
Вот и вышли мы в тираж —
Дух захватывает, аж,
С какой скоростью летели
В этой жизни - карусели:
По дорогам фронтовым,
По маршрутам трудовым,
По житейским сквознякам,
По семейным тупикам.
В сказках не было такого
У народа у любого.
Мы — прошедшие войну,
Поднимавшие страну,
Из руин и пепелищ,
Всех, кто был и гол и ниш.
Мы — романтики тридцатых,
Из-за парты жизнью взятых
Для годов сороковых,
Для трагедий роковых...
Не пустая здесь рисовка,
То была не потасовка —
Три из ста, вступивших в бой
Возвратились лишь домой...
Мы не прятались от боя
И в атаках, прямо стоя,
Шли без дрожи на врага,
С устрашающим — «ура».
Через смерти кутерьму.
Через ужасы и тьму,
Через раны, через кровь —
Освещала путь любовь.
Любовь наших матерей,
Наша — к Родине своей,
Любовь девушек и жён —
Всех, кто в нас и в жизнь влюблён.
Возвратившись к мирной жизни,
Вновь служить своей Отчизне
Встали в армию труда
И опять пошли с «ура».
Мы в атаки трудовые,
Бесконечные и злые...
Жертвы, внешне, не видны,
Но сердца жгли и они.
Не внимали боли сердца,
Хоть, порой, острее перца
Жгуче саднило в груди,
Говорили: «Погоди»...
Не кичились в важной позе,
Не плелись ослом в обозе,

Не смотря на все невзгоды, /
Раны были от погоды/
Мы старались, как могли,
Уберечь Мир от войны.
Всем, что было в наших силах.
Помня клятвы на могилах,
Павших близких и друзей:
Не позволить больше ей
Мир залить кровавым морем
И покрыть, как пеплом горем
Наши земли города —
Под ружьём были всегда.
Честь солдата боевая —
Память очень дорогая.
Зорко вглядывались в даль.
Там, вдали, война, печаль...
А у нас, почти полвека
Не пугает человека
Ежедневной смерти тень —
Спать ложась, он верит в день
За натруженные руки,
Творчества немые муки,
За тяжёлый гуд в ногах —
Горько пили на пирах...
Нет уж с нами матерей —
Изошли в тоске своей.
В сорок лет гибли отцы,
Ополчения бойцы.
Все заботы взяли жёны
И, хотя сердца прожжены
Были пламенем войны,
Их «заштопали» они.
Не сломило жизни бремя.
Нам «спартанское» не время
Пить прощальное вино —
Жизнь стучит ещё в окно.
Не пугают нас проблемы,
Не витают и дилеммы,
И над нами нет, не тень —
Независимости день!
Отстояли честно вахту:
Заломили хвост вермахту,
Дали «уголь!» на-гора...
Боевое — нам — Ура!
Дальше, юность, дело ваше:
Мир беречь и делать краше
Нивы, сёла, города,
Чтоб весною жизнь цвела.
Пьём за годы боевые!
Пьём за души молодые!
И за тех, за всех, кто в поле,
И за тех, за всех, кто в море,
Пали нас оберегая,
Звёзд пылинками сгорая,
В чёрном мареве войны
И следы их не видны.
Пьём за радость! Пьём за счастье!
Да бежит от нас ненастье,

Путь наш не был и кривым,
Шли по жизни — строевым!

Громыхая в стороне,
Пьём за всех, за всех, вдвойне!
12.10.84г.

Война!

Отчизна славная моя!
Стоишь ты твёрдо, как скала,
И ни одна ещё нога,
С времён Великого Петра
Не попирала прав твоих.
Могил заросших и немых
Осталось много там где враг,
Войной ступая, каждый шаг
Своею кровью обагрят.
Всем горе было, кто дерзал
Нарушить твой покой и мир
И ни один уже сронил
Дум алчных полную главу
На землю мягкую твою.
Народным гневом, как волной,
Сметаешь всё с пути долой.
Своим безбрежьем широты
Напоминаешь море ты.
Но что сравнится край родной
С твоею, утренней зарёй,
Когда цветущие поля
Усыплет крупная роса
И первый, робкий солнца луч,
Играя, ляжет из-за туч,
На гладь озёр, на зыбь реки,
Когда белёсые дымки
Тумана вьются над водой,
Когда рыбак спешит с удой
На зов красавицы-зари,
Когда сзывают пастухи
Свои послушные стада,
Когда проснувшись вновь леса
Зашепчут нежною листвою
И заискрятся в свете дня
Жемчужно-радужной росой,
Когда весь божий мир,
Ночную сбросив мглу,
Возносит славу и хвалу
Кому...? Не знаю...!
05.1942г.

В такое ли лихое время
Красой природы любоваться?
Иль взором нежным девы милой
Со страстью пылкой увлекаться?
Сей час ли жить: не зная ни забот,
Ни радости труда, ни рифов жизни?
Мне ль не служить, всей юною душой,
Стране возраставшей — моей отчизне?
Во мне бурлит, играет кровь,
Как сердце юноши любовь,
Моё сердце война зажгла.
Оно трепещет и душа,
Всей пылкостью своей младой,
Горит и рвётся в смертный бой!
30.12.41 г.

Война!

Пора цветения пионов!
Цвета — разнообразней чувств.
Пора потерь, трагедий, стонов,
Бои без правил и искусств.
Столкнулись в битвах миллионы!
Крушат фронты, крушат тылы.
Обрушили металла томны
Бомбардировщиков валы.
Как тесто месят всё живое
Стальные челюсти войны,
А человечество земное
Глядит на всё со стороны.
Но кто устроил эту пляску?
Чей сверхъестественный цинизм?
Страшнее не придумать сказку!
То сочинил — капитализм!
Передо мной букет пионов:
Нежнейший розовый — любовь,-
Цвет белый — для молодых, -
Багрово красный — людская кровь
22.06.01г.

На крыше школы сидя,
На самом на коньке,
Даль горизонта видя,
Сулили о войне.
Кровавые закаты
Стояли над Москвой.
Нам не забыть те даты:
Тревог, сирены вой.
Мы на закат смотрели,
Пылали облака,
Сюда бомбить летели
Насупилась Москва.
Зенитки рвали небо,
Пока ещё вдали,
Стреляли видно слепо:
Заградогонь вели.
Вдруг, обнажили разом
Прожектора лучи.
Их не охватишь глазом.
Сверкали, как мечи.
Лучи-мечи скрестились
Над птицею чужой
Зенитки вмиг взбесились:
Мы слышим бомбы вой.
Осколков дробь по крыше
Играла марш войне,

16-17

В дом к тебе вселилось горе,
Слёзы льются в нём ручьём,
Их ты тоже не увидишь,
Не узнаешь ни о чём.
30.12.41г.

Мой друг! # Декабрь 1941 года # Сталинград

Мой друг!

Тебя не видел я давно.
С тех пор ни раз ко мне в окно
Заглядывало Солнце,
Луна свой серебристый свет лила,
Минули многие заботы и дела,
Но тот же я:
Люблю по-прежнему холодную природы красоту
И жизнь беспечную свою.
Ты знаешь, друг, сейчас чудесная пора,
Ведь много радостей несёт с собою русская зима.
С её суровою порой
Торжеств — приходит целый рой.
Да и сама, друг мой, она,
Как ты прекрасна и свежа.
Но этот год — кровавый год:
В слезах и горе весь народ
И Русь славянский шит и их душа,
Сыновней кровью — залита.
И от вершин Балканских гор,
Куда ни кинешь долгий взор,
К брегам ли тихого Днепра
Или на север, где Нева
Легла широкой полосой,
Везде струится кровь рекой.
Но кровь бойцов не утрашит,
Лишь жажду к битве воскресит,
Так пусть же льётся кровь из ран,
Пусть враг хлебнёт и будет пьян,
А над его хмельной главой
Народ могучею рукой,
Поднимет правосудья меч...
02.01.42 г.

Декабрь 1941 года

Фашизм подмял, как пресс,
Европу. Нас придавил он до Москвы.
Но получил пинка здесь в попу
И кувыркался до Угры.
Калинин, Клин, Можайск и Руза,
Тула, Серпухов, Кашира:
Лицо немецкого конфуза,
Русским — восхищенье Мира!
В вермахте сильно «лопухнули»,
Разгромить, решив за лето:
Легко одели и обули...
На мороз списали это.
Похоронили спесь их, славу
В снегах глубоких под Москвой.
Нашли на извергов управу
И солнце встало над страной.
Узнал враг здесь и в Ленинграде:
Наскоком нас не сокрушить.
Тут не с Париже на параде:
Недолго головы сложить.
Расправила Отчизна плечи,
Стряхнула поражений гнёт
И больше не было сомнений:
Советский победит народ!
4.01.42г.

Сталинград

Кровавая, до Волги рана.
Так глубоко вонзился штык.
За Тереком сложилась драма,
Эльбруса осквернили пик.
На изнурённых отступленьем
Клиньями давили танки,
Бомбили город с иступленьем,
Пожирал пожар останки.
Рубеж последний: трамвайный путь.
Дом Павлова и скат к реке,
А дальше — Волга — лишь тонуть.
Держались мы на волоске.
Не ощутить тех напряжений
В войну, что пережил народ,
Но не было у нас сомнений:
Победы, знали, час придёт.
И час пришёл! Час окруженья
Для немецкой группировки,
В живых оставшихся плененья,
Бегства с гор без остановки...
Сломали здесь хребет фашизму:
В боях встречали Рождество,
Рукоплескал Мир героизму!
Нам — боль, Победе! — Торжество!
8.12.42г.

Много кошмаров пришлось пережить,
Многих трагедий участником быть.
Много событий за годы прошло,
Шрамов на тело и сердце легло,
Рана одна до сих пор бередит,
Рваным осколком в сознание сидит.
С болью ношу о войне я печаль,
Имя забыл его, вот что мне жаль.
Думал ли я, что останусь сам жив,
Ротным в пехоте, в ту пору, служив...
Встретил его я в боях на Днестре,
Возле Дериевки, и на костре.
Да на потухшем костре он лежал
Голый, истерзанный к мести взывал.
Рядом лежала одежда бойца,
Книжка солдатская, письма отца.
Книжку и письма, всё взял политрук
Чтобы узнали из верных все рук.
Видимо, ранен в одной из атак
Был он серьёзно врагами, да так
Возле траншеи остался врага —
Не подвернулась тут друга рука.
Здесь и нашли его вражьи посты.
С сотню шагов протащили в кусты
И на костре где варили обед,
Силой хотели нарушить обет,
Данный гвардейцем-сержантом в строю:
Верным быть Родине в смертном бою.
Но не добились враги ничего,
Как ни жестоко пытали его.
Мерзок, бессмысленный был их допрос,
Кто бы, скажите, его перенёс?
Пятки — обуглены, ногти сожгли,
Жареных ягодиц страшны круги.
Малой лопатой рубили ему
Всё, что доступно садиста уму:
Пальцев фаланги и плюсна стопы
Оба предплечья и оба плеча,
Голени обе и оба бедра,
Белые кости свои обнажив,
Раны «кричали», но был ещё жив
Духом и мыслью русский боец.
В злобе бессильной положен конец
Ударом лопаты по голове.
Это случайно увиделось мне:
Череп расколотый, пытки следы,
Очи раскрытые гнева полны...
Гнев его в сердце своё я вложил
И до победы врагам нашим мстил.
Оружие твёрдо в руках держал,
Пощады в боях к фашистам не знал.
Но и сегодня ещё не потух
Мести священной огонь и тот дух,
Что в нас вселила година войны —
Помним все жертвы и раны свои.
1965 г.

Р.С. Насколько помню — гвардии старший
сержант Александр Шубин, сибиряк,
83 Гв. стр. дивизия

Не порхал я лицеистом,
От влюблённости не млею.
Нет я не был пессимистом;
На войне кровавой зрел.
На войне стал коммунистом,
Это значит ты — пример.
Был в душе я гуманистом,
Но стрелять любил, умел.
Так сложилось: очень рано
Опалила пыл война,
Но, однако, как ни странно,
Не лишила чувств она.
Вновь росток любви пробился,
Нежность стала посещать
И, в конце концов, влюбился:
Стал о будущем мечтать. 25.05.01г.

Катюша # «За отвагу»

У притихшего села —
Зимний вечер на посту.
Для любви ночь создала
Словно в сказке красоту.
Месяц, в лихости молодой,
На плечах зари висит
Долькой корки золотой,
Звёзд лукавых тайны зрит.

Рядом девушка-связистка
Шли из штаба мы полка
В полушубке, как артистка,
Привлекательна, ловка.
Вьётся волос из-под шапки,
Вся подтянута, стройна,
Ножки в хrome точно лапки
И красива и юна.

Кстати, здесь замечу сразу:
Если нет нам двадцати —
Все прекрасны, нет и сказу,
Взор не можем отвести,

В это время, возле нас,
Сходу вздыбилась «катуша».
Не успел моргнуть и глаз —
Вся нахохлилась, как клуша

Экипаж за дом укрылся,
Кроме только одного.
Мы, напротив притулились
Возле дома, на крыльцо.
Залпы издали слышали,
Мы в походах боевых,
Зачехлёнными встречали
На маршрутах кочевых.

Здесь гола — молодка в бане,
Не стесняясь глаз чужих.
Корпус строен, рельсов грани,
Зад — в снарядах боевых.
Вся стремительна, воздушна
И грозна, притом — не тронь,
Но, мой Бог, а как послушна...
Из-за дома крик: «Огонь»!

Пламя, пламя, скрежет, вой,
Вихри пыли, дробь земли...
Раскалённою струёй
В цель снаряды унесли.
Не прошло и пол минуты,
Как шестнадцать родились
Солнцеликие кометы
За зарёю понеслись...

Мощность залпа удивила!
Что там, просто потрясла!
Задыхаюсь, задушила
В страхе девичья рука.
Расцепил девичьи руки...

И когда в себя пришёл —
Сон? Кошмар? — Какие муки!
На снегу лишь след нашёл.
25.12.83г.

«За отвагу»

Медали «За отвагу» — поклонись!
Как в зеркале в ней мужество бойцов.
Судить легко не торопись —
Она достойней многих орденов.
Суровой и трагической порой
Скупилась нам наградами
Страна: Мы пятились,
ведя неравный бой,
Металась, как в агонии она.
Кровь лилась от севера до юга,
Из наносимых нам тяжёлых ран.
Лучших — вырывала смерть из круга.
Война неслась на нас, как ураган.
Что победим, мы твёрдо знали.
Давила отступления печаль...
Всё было... и ордена давали,
Но чаще подвигу цена — медаль.
Увидев на груди кружок простой,
Дорогу уступи, посторонись —
Перед тобой ещё живой герой...
Медали «За отвагу» — поклонись!
21.05.85 г.

«Посиделки на войне»

«Посиделки на войне»

Над заснеженной землёй
Ветер с посвистом метёт.
Солнце тусклое, с лентой,
Будто нехотя встаёт.
Кончилось ночное бденье:
Одиночная стрельба,
Перебранка пулемётов,
Орудийная стрельба.
Не рисуют трассы пули,
Нет шипения ракет,
Все давно уже уснули,
Успокоил всех рассвет.
С появлением рассвета
Воцарилась тишина.
Но коварна штука эта —
В землю спряталась война.
Снег прикрыв следы ночные.
Первозданен будто мир,
Но следят глаза чужие
Белизне не верь — здесь тир.
После ночи бесконечной,
Завалил всех сон с утра.
Сон, предмет проблемы вечной...
Телефон звонит — пора.
Поднимаю трубку к уху:
«Волга, Волга — я Заря...»
Крою, я их, что есть духу:
«Что трезвоните зазря?»
«Как же! Все уже на связи.
Сеть полка подключена —
Отвечает служба связи —
Ждём концерт, давай — сполна».
Сам завёл такую моду:
С батальонного эН Пэ,
Подземельному народу,
Петь и быть конферансье.
У «солиста», основного,
Был богат «репертуар»,
И «артистов» было много:
В нём участвовал весь «зал».
Миномётчики, связисты
Отличатся юморком,
Там, глядишь, артиллеристы
Всыпят что-то с огоньком.
Не подводит и пехота
Своим тактом и умом,
Между «строк» прорвётся рота
С прибауткой, со стихом.
То пульрота нам «прострочит»,
Ей на выручку придет.
«Зал» приветствует, хохочет,
То санрота «гробанёт».
Песни — нам они родные,
Слоено в свой вернулись дом.
Из фольклора, озорные —

Без цензуры ведь поём.
Но связисты полковые
На узле все начеку —
Ждут команды боевые
Из штадива и в полку.
На такие шли проделки
Комполка куда спит,
Адъютант сверяет «стрелки»,
Ещё дремлет замполит.
Шли на эти нам уступки,
Но иена была одна —
Положить всем разом трубки,
По команде из узла.
Трубки шлют аплодисменты.
Здесь кокетство ни к чему.
Ведь даны «абонементы»
На «концерт» почти в «раю».
Все устроились, как в рубке
В боевых своих постах.
Уха два прильнули к трубке
На других уже концах.
И смеются под землёю,
Позабыв про ту войну...
Отдохнуть хотят душою,
Хоть минуточку одну.
19.03.85 г.

Нужна ли мне была молитва,
На бурном жизненном пути?
Какая красила палитра
Моё сознание изнутри?
Когда-нибудь нуждался в Боге?
Хотя прошла вся жизнь в боях,
А между ними дни в тревоге
В родимых и чужих краях.
Всегда нуждаешься в решениях,
Как правило, в кратчайший срок,
А точных формул при моленьях
Едва ли сыщешь нужных впрок.
И Бог в делах — он «третий лишний»,
Хотя отменный моралист.
Советчик в жизни никудышный,
Уж очень «медицински» чист.
Все беды в недостатке знаний,
В безумной алчности людей,
В чреде нахальных притязаний,
В неудержимости страстей.
Моя душевная палитра
Не чёрный наглый эгоизм:
Алеет вера, не молитва
И вера эта — коммунизм...
27.05.01 г.

Ленинград

Ленинград

Душу леденит Ленинград блокадный...
Героем стоит сегодня нарядный!
Здесь кончился марш для немцев парадный,
Раж людоедский, для нас беспощадный.
Стояли насмерть дочери и сыны
Под ужасом бомб и голодной зимы.
Вспомнишь: мурашки бегут по коже...
Что жертвы напрасны, кричать негоже.
В боях Ленинград был не сам по себе:
В едином строю, он стоял на войне.
Советский лишь в Море мог выстоять строй.
Каждый защитник — былинный герой!
Свидетель Нева — обломали рога!
Не ступила нога на Невский, врага!
Века битву Невского помнит народ!
Геройство защитников — в мифы войдет.
28.01.03г.

Щемит ещё сердце «Синий платочек»,
В песнях хранит лихолетья войны.
Таёт бедное, как снежный комочек,
В звуках мелодий прошедшей поры.
Сколько создали прекрасных созвучий!
За годы труда, за годы войны...
Звуки гармоний — источник могучий,
Как половецье всесильной весны.
В окопах войны, на маршах бессонных
Силы давали, вносили покой,
В мыслях о доме, в заботах бездонных
Сопровождали напевной рекой.
Песни, как волны, несли меня в прошлом:
Взлёт ли, провал — в равновесии был,
В мыслях красивых не думал о пошлом,
С наставницей-песней без страха я жил.
В светлую юность и грозные годы
Рядом шагала, как друг, как боец.
Радости, горе и просто невзгоды
Сердцу сплетали из песен венец.
Зрелость — в лучах золотого заката
И в колыбели из песен Страны.
Вера в хорошее — твёрже булата.
Сердце поет мне, как в годы весны.
На сердце все отражаются звуки,
Настрой его ритмом гармоник творим:
«Чуткое сердце», «сердечные муки» —
Наверно не зря, порой говорим.
28.08.96г.

Мы в строю свои песни пели!
Стране сполна отдали труд.
Звучат теперь иные трели
И песни чуждые поют.
Другие строфы, ритмы, рифмы
Сегодня слышит человек.
О нас рассказывают мифы
В безумный дискотечный век.
Мы наблюдаем с изумленьем
На кавардак в людских умах.
На нас же смотрят с подозреньем
За то, что видим жуткий крах.
Ломают прошлое «младые»,
В своём младенчестве ликуя,
И топчут Подвиги былые,
Страны — Великое шельмуя.
26.11.03 г.

Время на войне — секунды.
Расстоянье — пули свист.
Тяжести — в котомках судьбы.
Смертник первый — коммунист.
Мужество — подняться первым,
Где к земле прижал всех страх.
Смелость — оставаться верным,
Где от страха, виден крах.
Трусость — страхом рождена,
Коль мгновенна, то проходит.
Вечна — смерть учреждена.
Сам солдат себя изводит.
А надежда здесь — пустое,
Лишь к безволию ведёт.
Здесь — внимание простое
Вас от смерти бережёт.
Мудрость и не суетливость,
Осторожность и рывок,
Простота и не спесивость —
Жизни фронтовой залог.
16.03.97г.

Сорок третий — шёл победный
Август зрел в разгар войны.
Солнца диск огромный медный
Плыл на запад по степи.
Нас, команда офицеров,
Шла на пополнение.
Из армейских шли резервов
С фронтом на сближение.
По ещё горящим сёлам,
Шли за ним мы попятам.
С обгоревшим частоколом,
По дымящимся садам.
Все бывалые солдаты,
Кое — кто, при орденах,
В жизни опытом богаты,
Разговор шёл о боях.
Кто в каком, где отличился,
О ранениях своих,
Как в госпиталях лечился...
Только я был среди них
Офицером новичком.
Жадно слушал разговоры,
Тихо двигаясь бочком,
Опуская скромно взоры...
Вдруг, над нами, из-за дома,
Что-то яркое взвилось,
Загремело громче грома
И — всё «войско» улеглось.
Улеглось на пыль дороги,
Распластались носом ниц,
Мелкой дрожью бились ноги,
Выдавала бледность ли и.
Лишь один я — новичок
Под снарядами стоял,
Вверх смотрел, как дурачок,
Взором «птиц» сопровождал.
За «маневр» сей восхищённо
Я на воинство смотрел.
Поднялись весьма смущенно,
Все поняли свой пробел.
Гимнастёрки, брюки тоже,
Отряхнули грудь, подол:
«Не поняли сразу, что же,
Это залп «катюш» прошёл.
21.12.83г.

«ВТОРОЙ ФРОНТ»

«ВТОРОЙ ФРОНТ»

С непрерывными боями,
Вплоть до самой до зимы,
От Днепра фашистов гнали
С нашей матушки-земли,
В бане некогда помыться —
Всё идут бои, бои.
А, порою и побриться —
На два фронта бой вели.
На одном — арийцы-боши
В контратаку часто шли,
На другом — простые воши,
До безумья довели.
Я, порой, такую плату
Им за гнусность выдавал:
Насажаю их в гранату,
После вновь ввернув запал.
В наседавшую пехоту
Через бруствер, без чеки...
Там кусайтесь в охоту,
Подрывайтесь свояки.
Взяли ночью раз село.
Немцы снова — в контратаку,
Только — только рассвело,
Завязали, гады драку.
Танки быстро подожгли
Хаты, что стояли с края
Но в деревню не вошли,
Издали, по нам стреляя.
Приказал комбат и срочно
/адъютантом старшим был/
Разобраться где, кто, точно...
Руку к шапке приложил.
Побежал на край села,
Где ещё горела хата...
Рядом нет ни одного,
«Завалившего», солдата.
Вижу на снегу пехота,
Слева, в поле залегла.
Насчитал — лежала рота
Быть противником могла.
Грозно высились три танка,
Ещё дальше на снегу.
Кто из них, кому приманка...
Догадаться не могу.
Толи танки жмут пехоту?
Толи рота танки ждёт?
Побежал проверить роту.
Кто и с кем там бой ведёт.
По снегу бежать в припрыжку
Пожелаеть лишь врагу.
Возрастом я чуть мальчишку
Превзошёл на том году.
Мне тяжки ватные штаны,
Телогрейка, мех-жилет
И новых валенок «пуды»,
Маскхалат поверх одет...
Так пробежал лишь полпути,

Я повернул. К селу бегу
И вновь мне пули в спину.
Я по хлопкам судить могу,
Что вмиг от немцев сгину.
Запетлял, прибавил ходу,
Забыв про трудность бега.
Превзошёл лосей породу —
Бежал, как бы без снега.
На бегу весь перегрелся.
Пропитал исподни пот
И волчком я завертелся,
Как открылся второй фронт.
Миллион иголок в тело...
Чуть с ума я не сошёл,
Мне вонзились, можно смело,
Их сравнить с вкусом пчел!
Подбежал к горящей хате:
Вмиг, в безумии своём,
Маскхалат и всё на вате
Сбросил вместе я с бельём.
Всё, касавшееся тела,
/Выдаст старшина потом/
В пламя сходу полетело,
Ярым сожрано огнём.
Растирая снег холодный,
На глазах у всех, нагой,
Исполнял я танец модный:
«Танец фрицев» под Москвой.
Обтирая снегом тело,
Омерзение от вшей,
Я не стыл, оно горело
От пожарища огней.
В бане огненной отмылся,
Там под «душем» пуль крутятся,
Бодрой свежестью налился,
Жизни радуясь, смеясь.
«На босую» одеваясь:
Без портянок, без белья,
Оголению смущаясь,
Натянул верх на себя.
Теперь могу и доложить,
Ясно стало, где свои!
Так же и присочинить,
Как «враги» все «полегли».
02.02.84г.

Сзади начали стрелять.
Что за пакость? Мне не уйти.
Могут запросто так снять.

Баня переднего края
А не выдам ли секрета
О возможности такой?
В ней нужда у всего света
В обстановке фронтовой.
За окопами ложбинка,
Ручейком вода текла,
Омутком хранит низинка
В тон хрустального стекла.
По осеннему шептались
Одинокие листья
И друг к другу прижимались
Оголённые кусты.
Бочки две из-под бензина:
Одна, стоя на костре,
Для белья, как бы корзина,
В ней вода кипит на дне.
Плащ-палаткою прикрыта,
Пар не выйдет просто так:
Плотно, вчетверо укрыта,
Вместо сетки, там сушняк.
Ветки всякие навалом,
Выше уровня воды,
Чтоб не мокли /только паром/
Гимнастёрки и штаны.
Чудо, скажем, а не бочка,
Мудрости народной сплав,
Насекомым точно, точка —
Настоящий автоклав.
В другой воду кипятили
На огне уже большим.
Окно с боку прорубили,
Чтобы воду брать ведром.
Уложили её «брюхом»
На костре, что в землю врыт.
Пламя лижет одним духом
Ей бока — вода бурлит
Рядом у воды — палатка:
Пол из нескольких досок,
Неказистая, но лавка,
Гладко выструган полук.
Ветра нет, уют в палатке,
От воды — горячий пар...
Спины трут, как будто в схватке,
Жаль, что нет широких нар.
Шайка с пеной — всё как в бане,
Смех, весёлый говорок,
Слышны шутки там, в тумане,
И увесистый шлепок.
Шайки две, в одной ногами,
Греет душу наш солдат,
В другой «плавает» руками,
Головой «ныряет» — рад...
Кто-то выскочит на холод,
Зачерпнёт воды любой.
Вновь солдат душою молод,
Не смущаясь наготой.

В «автоклаве», в это время,
Не разводят канитель:
Парят, жарят вражье племя
И портянки и шинель.
Шерсть и кожа не усохнут.
Не испортит — все давай...
Пар — есть пар, не пересохнут,
Воду только подливай.
Отделение — в два захода
Пропускает баня та,
Батальонного хозвзвода,
За день, смотришь — рота вся.
И не где-то, а здесь — рядом,
За окопом — два шага,
Лишь не видно прямым взглядом,
Перед носом у врага,
Да, в боях это — находка...
Люди вымыты, свежи,
В полк летит лихая сводка:
«Перебиты /боши/ — вши!»
Вот пришла пора кончать.
Шлю я вам, как свой презент.
/Не забудьте всё ж прислать
Мне на авторство патент/.
15.04.85 г.

На фронтовых дорогах
Иногда в часть добирался
Прифронтовыми шляхами.
На работу любовался
Регулировщиц — взмахами.
Службу девочки несли
Строго, ловко и умело.
«Стадо» шоферов пасли
На контрольных пунктах смело.
Проскочить пункт без контроля
Часто лихачи пытались.
Девочки стреляли стоя,
Те на пули нарывались.
Карабин с плеча срывает
И с хорошею сноровкой
Пули в шины посылает:
Приласкает враз винтовкой.
А проезжих офицеров —
Рассажают по маршрутам,
Как знакомых кавалеров,
Развести их по редутам.
27.11.03 г.

Рейментаровка, Васильевка

Рейментаровка, Васильевка —
Перекрёсток двух дорог.
Шло одно село по балке,
Накрест — шло на бугорок.
Так случилось, что зажали
В них нас немцы с трёх сторон.
Лишь один нам путь на север,
Был ещё не запрещён.
С запада — ворвались танки.
Расползлись по всем садам,
Что росли по склонам балки,
Как обычно — в тыл домам,
В той тревожной обстановке
Юг креста держали мы:
Батальона штаб, на взгорке
Без солдат были — одни.
К нам прорваться танк пытался,
На окраину села,
Перед нами подорвался:
Мина взрывом нас спасла.
Да к тому же в плен мы взяли
Офицера одного.
Вот что делать с ним не знали.
Было нам не до него.
Был танкист высок и строен,
Светлокудр, молодцеват,
Внешне был весьма спокоен,
Даже может нагловат.
Видно, с гордостью носил он
«Мёртвой головы» мундир.
Осмотрели документы,
В документах — командир...
Фотокарточка попалась,
Где он с матерью стоит:
В форме, бравый, /мать дождалась/
Мать с надеждою глядит.
Возле дома, видно, снялись...
Посмотрел ему в глаза,
Так и в памяти остались —
Голубы, как небеса.
Все в молчании неловком:
Сами ведь на волоске,
Что нас ждёт, не знаем толком,
Жизни наши — на песке.
Мне смешно всё это стало.
В руку взял свой пистолет...
Эхо выстрела звучало,
Ну а жизни — уже нет.
Нам пришлось ретироваться.
Смысла не было одним,
Без пехоты оставаться,
Надо двигаться к своим.
Двигались от дома к дому.
Перебежками, ползком,
Из немецких пулемётов
Поливаемы огнём.
Танки с запада стреляли.
Мы у них все на виду.

Зимним днём от пуль петляли,
Словно зайцы на снегу.
Вот последний дом в низине,
И — мы будем вне огня...
Орудийный выстрел грянул,
Взрыв — осколками свистя.
Я — за дом, все переплёты!
Дух теперь переведу...
Оглянулся — там комроты,
Без движенья на снегу.
Я к нему /москвич ведь тоже
Корешков. Мой друг, Иван/
Вся спина, таз разворочен
Множеством кровавых ран.
Не поднять его, не сдвинуть.
Он же просит: «Застрели!»
Не могу его покинуть:
«Ваня, лучше помолчи».
Записную книжку вынул:
«Передай моей семье».
Разных мыслей поток хлынул,
Положил в карман себе.
Крикнул своему связному —
Унесли его за дом...
«Немцы ворвались с востока!
Надо выбить! Здесь — потом!*Под рукою только двое
С автоматами бойцов,
Но со мною — уже трое,
Взял с собою молодцов.
В край села бежим, что духу.
Сколько наших там солдат?
Прибежав — смотрю славяне
Руки вверх подняв стоят.
Немцы шарят по карманам,
У вояк обмякших тех...
Если б не было трагично,
Разобрал бы дикий смех.
Мы на них нахрапом.
Сходу: ПэПэШа три и «Урра»,
Неожиданность к тому же,
Сдули немцев из села.
Немцы, видимо, решили,
Что в селе давно свои.
К нам обоз свой притащили,
Но в селе идут бои.
Не доехали всего лишь,
Ну не больше — метров сто.
Что сбежали, те укрылись
За колёсами его
Бледные стоят вояки,
Как поставили враги.
На снегу лежат винтовки,
С дрожью ходят сапоги.
Обстановка была сложной...
Слов запасом москвича,
А к тому ещё с Извозной,
Обругал их сгоряча.

Так, что враз порозовели...
Приказал обоз тот взять!
Объяснял, так в рот смотрели,
Где позиции занять.
По команде — должны были
Залпами прижать врага,
Чтобы головы зарыли
И за мною, всем с «Ура».
Первым вылетел я с криком —
За спиною все молчат —
Повернулся: из укрытий,
Только головы торчат.
Я грожу им пистолетом...
Сидя задом на снегу,
Когда пуля меня сбила?
Так понять и не могу.
В рукаве тепло от крови,
Но чужая мне рука.
Гневно только сдвинул брови:
«Аа, сваял я дурака!»
Рывок назад — я за скирдой,
А трусов ветры сдули.
Разведчик лишь, да мой связной
Одни не улизнули.
Рукав отрезан, хлещет кровь
Жгут быстро наложили.
Чтоб не ворвались гады вновь
И нас не захватили —
Из-за скирды взглянул связной
И тут же выстрел грянул:
Он с окровавленной скулой
Ко мне, назад, отпрянул.
Не крутилась «киноплёнка»
И пятнадцати минут...
Всё под силою момента:
Бой есть бой — кровавый труд...
После долгого леченья,
Когда снова в полк прибыл,
Замполит, для уточнения:
«Кто Ивана застрелил?»
29.03.85 г.

ВАНЯ! # Сестра, чаю!

ВАНЯ!

Прав не прав — судите сами
О случившемся со мной..
Никогда не позабуду,
Как заехал в дом родной.
Я отстал от эшелона
И приехал сам в Москву.
Не пугался я заслона,
В январе и поутру.
Здесь, при выходе с перрона,
У вокзального Ка.Пэ,
Проверяли документы:
Их же не было при мне.
Одна справка медсанбата,
Документов за душой:
«Ранен был боец тогда-то,
Что из части он такой...»
Смело шёл и нагло, вато,
Справку сжав в руке своей.
Знал, что явно маловато
Для московских патрулей.
Постовой милиционер
По-русски поклонился,
Был уважения пример —
Я очень удивился. Диво!
Что за чертовщина?
Весь прошествовал наряд ...
Непонятная картина —
Проверяли всех, подряд?!
Удивился еще больше,
Как вошёл в вагон метро.
Место сразу уступили,
Удивительно не то.
Поразило вот другое:
Сел напротив генерал,
Повертелся на сиденье,
Недовольный резко встал
На стекле окна вагона —
Отраженье увидал!
То, что на меня смотрело —
Сам бы чучелом назвал.
Рука, в корсете — самолёт,
Торчит из-под жилета,
В упор глядят глаза, как лёд,
Как будто с того света.
Поросль на лице густая,
Небритого солдата,
Шапка мягкая срамная,
«Подарок» медсанбата.
Полушубок стар, засален
На плечах — не в рукава,
На груди жилет напаян,
С голой шеей голова.
Под жилетом край рубахи
Окровавленный свисал.
У растяпы у неряхи...
/Не судите, не видал/.
И понятны — очень стали:
Выражение лица,

Повеленье патруля.
Подхожу к родным порогам...
Ключ носил, как талисман,
По фронтам, боям, дорогам —
Не тянул он мне карман.
Но тянуло скорбью сердце
Память сына об отце.
Под Москвой он пал, в Царёво.
В сорок первом и в конце.
Принесли в дом — «похоронку»,
С ней попали на меня:
Завертелась под ногами
Наша круглая Земля.
Скрыл от матери беду,
Что муж её был мёртвый:
Удар прямой, мол, отведу...
Шёл год сорок четвёртый.
Дверь ключом своим открыл:
От печурки в доме — баня,
Повернулся, свет включил,
Сзади крик истошный: «Ваня!!!»
12.12.83г.

Сестра, чаю!

Армейский госпиталь забит
Бойцами до отказа.
Плечом к плечу солдат лежит ■—
К отправке ждут приказа.
Нары длинные, сплошные
Шли кругом в два этажа.
Нижний заняли больные,
Те, что в виде «багажа».
С нетерпением все ждали
Санитарный эшелон.
Легче станет, это знали,
Поскорей попасть в вагон.
Стоны, бред и даже мат,
Облегчающий нам душу.
Изо всех углов летят,
Море звуков — нет здесь «суши».
Так один казах скулил:
Дико, вымотал всем души.
Белый свет нам стал не мил,
По живому драли «пилы».
Монотонно выводил:
«Сестра, чаю! Сестра, чаю!»
Всех довёл он до предела,
Но крепилась парни все.
Русская душа терпела,
Уважали раны те.
Но один под эту ноту
Деликатно пошутил,
Произнёс: «Сестра, компоту!»
И казах наш повторил.
Все смеялись до поту,
Здесь, в аду, он рассмешил.
Так и ныл: «Сестра, компоту!»
И просил, просил, просил.
22.12.83 г.

На лощёном генерале.

1944 год # Лопато

1944 год

Июнь — надеждами светился!
Шагами, меряя перрон,
Прощаньем грустным я томился,
С мольбой, взирая на вагон.
Плечом к плечу — моя любовь,
Июньской зелени нежней.
Тревожно в нас стучала кровь —
Листвы мы были зеленей...
Недолго длилась радость встречи.
Вновь подлечили и на фронт.
Какие тут могли быть речи?
В кровавой дымке — горизонт.
Гудок — прощальный паровоза!
Стуча, задвигался состав,
А в сердце, будто бы заноза
Вошла, до боли разум сжав.
Состав стучит, состав бежит,
Мы тоже ускоряем шаг.
Её рука в моей дрожит...
Разлука — самый страшный враг.
Приводит в чувство — хвост состава,
Он удаляется, гремит...
Я — счастье сжал, но боль сустава,
«Спеши, спеши» — мне говорит.
Навечно слились в поцелуе...
Аля нас — остановился мир!
Рванулся я из томной сбри:
«Пора, пора на новый пир».
Лечу, не чуя ног вдогон,
Лишь вижу поручни, ступени,
Сержанта, старшины погон...
Сидят спокойно, словно тени.
В усах дымятся самокрутки,
Грудь расцвел ранений кант,
Грустны, глаза, как незабудки:
«Скорее, прыгай, лейтенант!»
Бегу, в висках клокочет кровь,
Как бы рука не подвела,
И только крыльями любовь
На ту подножку подняла.
Инерция прибила к двери.
Гляжу — она ещё бежит,
Подсвеченная солнцем пери,
На косах и руках летит.
Креп фиолетовый, прозрачный
Всю зрелость тела обнажил...
Рисунок был такой удачный —
Невольно всех заворожил.
Казалось, сердце разорвётся,
Мои мучения — страшны...
«Какой товар то остаётся, Эх!» —
слышу вздохи старшины. Вначале —
я вспылел, ей Богу,
На эту пошлость старшины...
Потом — смеялся всю дорогу.
Нет, больше — до конца войны!

Лопато

Сентябрь в Трансильвании — время плодов,
Как в сказке, богатства полей и садов.
Прекрасны и краски царицы-земли:
Шагами войны по красотам тем шли.
Поспешно, петляя здесь враг отступал.
Засады из снайперов лишь создавал.
Хоть больно кололи иголки войны,
Сдержать же, бессильны нас были враги
Днём солнечным, ротою вышли к шоссе,
Пуль посвисты — прессом прижали к земле.
Стоит кукуруза над нами стеной,
Початки качая в воде голубой.
Золотом листья плещут в лазури
Поверхность ручья, как блики глазури.
Сочная зелень лугов перед нами,
За ними шоссе, прикрыто кустами.
Лежали солдаты на серой земле
И чувствовал каждый прицел на себе...
Был молдаванин один у нас в роте,
Месяца два служил он в пехоте,
Он ростом — высокий, плечистый, речист.
Всегда перед боем дрожал словно лист.
Попробуй, сознание то измени
И, разом, в атаку их всех подними,
Снайперы психику давят отменно,
У каждого мысль: «его, непременно,
Сегодня, сейчас сразит пуля злая...»
И смотрят вперёд, травинку кусая.
Но шуткой задорной поднимешь порой,
Усталых, голодных, дрожащих на бой.
Рванулась рота — с «ура» и огнём,
Все, разом, вскочили и к цели бегом.
Трещат автоматы, винтовки стучат,
Взбегают к шоссе — и стоят:
На склоне кювета убитый лежит,
Пред ним мотоцикл на дороге стоит.
Раскинуты руки, почти у колёс,
Немецкая каска, в пыль врезался нос.
Защитный красивый на нём маскхалат...
На рану, под каской, солдаты глядят:
Сбежал из засады немецкий солдат,
Не выдержал дружной атаки ребят.
Скорей, к мотоциклу, спасение в нём...
Нашёл свою смерть под беглым огнём.
Как снайпера пуля пришлась в позвонок,
Шальная сразила, как в поле цветок.
Печально смотрели, ведь плата за то —
Погиб, молдаванин, у нас Лопато.
25.03.85 г.

15.03.83r.

Что сильнее?

Что сильнее?

Угодили мы на Тисе
Под осенние дожди.
Их в окопе, без укрытий,
Ты попробуй, пережди.
По спине вода струится...
Так тоскливо на душе.
Негде даже притулится —
Всё в воде, в воде, в воде.
Оборона шла по дамбе,
Высотой — метров пять.
А в ячейке, словно в ванне...
Сколько здесь ещё торчать?
Там, за дамбою постройка,
На нейтральной полосе...
И найдётся даже койка —
Перенёс туда ЭНПэ.
Ночью, тихо, перебрались,
Был пристрелен этот дом,
Чтоб удобства не достались,
Враг держал под артогнём.
Все оконные проёмы.
Те, что в сторону врага,
Мы подушками забили
И перины то ж туда
«Чтоб сидели словно мыши —
Приказал своим штабным —
Наблюдали б только с крыши,
Не болтаться часовым».
Ночь прошла у нас спокойно.
Утром вышел я во двор.
Кто-то был здесь перед нами:
Труп солдата видит взор.
Череп, как орех расколот,
Курица клюёт мозги...
Беспощаден войны молот,
За туманами — ни зги.
В доме шутки, смех, веселье —
Молодость своё берёт.
Всё нашли и даже зелье...
Смерть на ум нам не идёт.
Так у немцев перед носом,
Как на кончике копья,
Под большим, большим вопросом
Разместились мы, друзья.
Но с обеда к нам прибился
В дом соседний батальон:
Потеснились, разместился
И начался здесь «трезвон».
Бегают его связные
Через дамбу на виду,
Как мальчишки озорные,
Выставляясь на беду.
Нет суровее закона:
Маскировки фронтовой.
Не спасёт тебя икона,
Никакой иной святой.

Первый выстрел недалётом,
Разгильдяев ветром сдул.
Их на дамбе перелётом,
Как игрушечных смахнул.
Мы остались в доме этом:
Кто за печь, кто под кровать,
На пол кто, делясь советом,
Третий — точный, стали ждать...
Тишина, как гробовая,
Всё окутала кругом.
Положенье сознавая,
Притаились, «счастья» ждём...
Третий взрыв — у самых окон.
Все перины распорол.
Я лежал в пуху, как кокон,
Пух покрыл, как снегом пол.
В воздухе ещё висела
Пуха, перьев пелена
И в ушах у всех «звенела»,
После взрыва тишина.
Мир в овчинку, стал нам тесен
В положении «лихом»...
«Умолкли звуки чуждых песен» —
Из — под кровати «бьют» стихом.
Смех потряс сильнее взрыва
Стены, потолок избы:
Все смеялись до надрыва..
Так смешны все были мы.
Немцы видимо решили:
Хватит с нас фугасов тех,
Что от дома отучили...
В доме — продолжался смех.
5.03.85г.

За бруствером, в траве — бессмертник,
Цветок ежистый и сухой.
Очередной в окопе смертник
Чадит, в предчувствии махрой.
Чем сегодня кончится атака?
Ворвусь в траншею? Мёртвым упаду?
Искать не надо приметы, знака —
Одно, наверное,- судьбу не обойду.
Я — фаталист и мне легко,
Меня сомнения не душат.
Причин сомненьям велико —
Колеблющимся душу сушат.

ноябрь 2001 г.

Страх?

После тяжкого раненья
Возвращался в часть свою.
Позади, были мученья,
Пол годичного леченья...
Завтра снова в бой пойду.
А пока — я наслаждался:
Пеньем птиц, июньским днём,
По Молдавии болтался,
На черешни забирался,
Сидя там с набитым ртом.
Напрямик, через поля,
Шёл по компасу садами,
Через Кодры, так, шутя
Перебрался, несмотря,
Что века страшат лесами.
Шло со мной — моё везенье
По столам кадровиков:
Фронта, армии... Решение —
Получу ли назначение
В часть свою — у тех отцов.
Вот и Бельцы — рай цыган,
Разноцветьем порхая,
Край весёлых молдаван,
Староверов рядом клан —
Всех свела судьба лихая.
Бельцы встретили собором,
Пышной зеленой садов,
Цыганят весёлым хором,
Молодой цыганки взором,
Часовыми у штабов.
Чёрный глаз — заморозил...
Много ль надо молодому?
Взор тревожил, взор дарил,
В неизвестность звал, сулил...
Жёг он сердце удалому.
«Погадай мне, дорогая —
Я к себе её маню,
От смущения пылая,
Деть себя, куда не зная —
Предскажи судьбу мою».
Разве думалось всерьёз
О судьбе своей беспечной?
Сколько будет в жизни слёз,
Сколько штилей, сколько гроз
Или память будет вечной?
А цыганка глазом шарит:
«Дай мне руку, золотой...
Лёгкий путь судьба подарит,
Ещё дважды легко ранит,
Скорый путь тебе домой»
Если каждому бойцу,
Так цыганки говорили,
Это к чести их лицу,
Это к общему венцу
Дел победных ворожили.
Верит кто или не верит,
Раз услышав наговор,
В жизни всё ж его проверит,

Если даже — это вздор.
Верно ли её гаданье?
Лёгок, короток мой путь?
Год войны, как в наказанье
Раны — три, вот всё признание.
Лёгких? Точно. В этом суть.
15.12.83г.

За бруствером, в траве — бессмертник,
Цветок ежистый и сухой.
Очередной в окопе смертник
Чадит, в предчувствии махрой.
Чем сегодня кончится атака?
Ворвусь в траншею? Мёртвым упаду?
Искать не надо приметы, знака —
Одно, наверное, — судьбу не обойду.
Я — фаталист и мне легко,
Меня сомнения не душат.
Причин сомненьям велико —
Колблющимся душу сушат. ноябрь
2001 г.

Страх?

Закон — первейший! Суть — природы.
Гарантом жизни служит он.
Обожествляли все народы:
Ему — не Богу бьют поклон.
Как многолико это слово!
Самой природой он рождён.
Любого враз сразить готово,
Коль ротозейством заражён.
Презревшие всегда страдали,
Как говорится — не везло.
И сущность он — любой морали...
Он сокращает жертв число.
Всему в природе поклонялся
Наш первобытный человек,
Всего чего не знал, чурался
И тем храним из века в век.
Несёт страх панику и стрессы,
Он мозг и души леденит,
Безводья, часто, душат прессы
И трусость мерзкую плодит.
На страже: чуткость и вниманье
Нас сохраняет от него.
Спокойствие — даёт нам знание,
Оно спасает от всего.
7.07.98 г.

В трудный час порой доверит,

Мальчики

Москва-река! Ты мне — родная!
Ты — сказка юности моей!
На берегах я рос мужая
И не было счастливей дней.
Как рыба плавать научился,
На Сетуни ловил ужей,
В прудах прибрежных наловчился
Ловить тритонов, карасей.
В ледоход — по льдинам прыгал,
Доказывая, кто — смелей.
В ледостав — коньками шмыгал
У самых кромок полыньей.
Старое «Русское кладбище»,
На берегу крутом реки.
Любимое было «пастбище»:
Резвились, как в воде мальки.
Школа — «Первая Советская»
Соседка, здесь, на берегу.
Первая учёность детская,
Приобреталась в том кругу.
Когда немного повзрослели,
/Трамвай пустили на Фили/
На берегах лесных осели,
Там жизнь беспечную вели....
В войну я призван был в июне.
Пришёл на берег твой крутой...
Нет! Нет не развесил в тот день юни:
«Перемахнул» разок, другой...
В воде святой примял «крещение»,
Стране на верность присягнул,
За шалости просил прощенье,
Тобой омытый — в бой шагнул.
Двенадцать рек преградой были
На том рискованном пути,
Но годы детства научили,
Как на воде себя вести.
С войны пришёл на детства землю
И поклонился берегам.
Отмыл окопную я скверну...
Поговорили по душам...
Полвека я работал видя,
Из окон сказки берега.
Порой в задумчивости сидя,
Переселялся в те года.
Пока с гранит не заковали,
Купаться бегал я в обед:
Усталость воды отмывали,
Порой и раздраженья след.
Сейчас ты стала нам чужая.
Сковали «душу» берега.
Для москвичей ты не живая —
Окаменевшая краса...
7.05.01г.

Мне часто задают вопрос.
«Страх испытала на войне?»
Вопрос сей — бородой оброс:
От сущности уходят все.
Знание и дисциплина
Всегда нейтрализуют страх.
Паника — первопричина.
Не остановишь — делу крах.
На виду друзей, солдата
Шагал младшим офицером.
От курсанта до комбата:
Призван чином — быть примером.
С каждым ты незримо связан,
Передний край в твоих руках.
Смело действовать обязан,
Чтоб не нашёл лазейки страх.
Подготовка человека,
Сознательность его в строю —
Первая задача века,
Успех в том в жизни и в бою.
Страх в жизни не испытал,
Но он в природе человека,
В людях иногда видал:
От трагедии до смеха.
15.11.03г.

Мальчики

На фронт ушли, не вкусив любви.
Сердца, занозив девчонкам.
Их мечты не тонули в крови:
Призом служили мальчонкам...
Жутка у юношей дорога
Была в походах и боях.
Лицо любимой — ликом бога
Сияло им в госпиталях.
Молились фото как иконам,
Когда за горло смерть брала.
Не кланялись иным персонам:
Любовь на подвиги звала.
Сражались мальчики бесстрашно,
Рискуя жизнью каждый миг,
По-русски, часто, бесшабашно
Пока рок подлый не настиг.
Всё реже письма получали,
На запад, с боем уходя,
Надежды выжить — угасали:
Война косила не шала...
Домой — счастливики вернулись,
Не потеряв мечты своей.
Другим шустрёнки улыбнулись:
Дождались те, кто поскромней.
29.10.03г.

Безнадёжность

Безнадёжность.

Безнадёжность нас свела.
Обвенчала враз война.
Как свиней слились сердца.
Думали, что до конца.
Каждый год я в этот день
Ясно вижу твою тень.
Руки тянутся ко мне.
Наяву я, как во сие.
Помню фразу век твою:
«Больше солнца я люблю!»
На бумаге крик души;
«На себя ты не грехи,
Добровольно ухожу,
Счастье дать тебе спешу...»
Нет! Не счастье мне дала —
Сына вместе унесла.
А в душе моей каверна!
Грусть досадная — безмерна,
И, порой, обида пышет:
Не всегда — война всё спешет.
24. 05. 45г.

Между Гроном и Комарно,
На дунайском берегу,
Мы застряли не случайно
Нанося урон врагу.
Трудно устоять на месте:
Немец в ярости наглед,
Окружённых в Будапеште,
Деблокировать хотел.
Январь, февраль сбивали спесь,
Камень встретился с косой...
Не готовились стоять здесь
В обороне мы глухой.
Не было окопов змейки,
Не вгрызались в твердь земли —
Одиночные ячейки
Цепью снег пересекли.
В положении солдата —
Ни удобства, ни тепла...
Лишь в землянке у комбата.
От печурки жизнь текла
По ночам её топили,
Чтобы нас не засекли.
Ночью только мы и жили,
Вылезая из земли.
Когда кухню привозили,
Вылезал и я — комбат.
По заснеженной равнине
Шёл осматривать солдат.
В батальоне то пехоты
Оставалось лишь на счёт.
Чуть побольше полной роты,
Но это нам не шло в учёт.

У войны свои законы,
А передний край — особ.
Там плевали на каноны —
Каждому был дорог лоб.
Там пароль — пустое дело.
Вас не спросят: «Кто идёт?»)»
Сперва пулю пустят в тело,
Потом в воздух лишь пальнёт.
Я с передним краем сжился.
Душу чувствовал его.
С ним от Волги волочился,
С плеч не сбросить мне того.
В этом месте, на Дунае,
Обходя передний край,
В голос пел, солдаты знали,
То комбат идёт — встречай.
Проходя по «казематам»,
Каждый вечер, лень за днем:
Души грел, как мог ребятам
Песней, словом, огоньком.
Поначалу немцы злились
И стреляли в темноту.
Трассы пуль цветных носились,
Было им невмоготу.
Постепенно попривыкли.
Перестали зря палить,
Присмирели, с мыслью свыклись,
Что на голос не убить.
Так и жили поневоле,
По соседству во вражде:
Метров двести, в этом поле,
Разделяли страсти все.
Но однажды, с кухней вместе,
К нам приехал капитан.
Ознакомиться на месте —
В армии приказ был дан:
Где походит оборона,
Как и чем укреплена,
Не нарушили ль закона,
Как-никак идёт война.
Отойдя с ним от землянки,
В полный голос я запел...
Получил толчок с «изнанки»,
В снег с открытым ртом влетел.
Злобно капитан шипит:
«Немцам сдать меня решил?»
На моей спине сидит —
Отличился «храбрый» тыл...
15.03.85 г.

Долго жить

Долго жить

На Дунае, под Комарно,
Завязался встречный бой.
Уже небыли давно мы
В стычке яростной такой.
Развернулись с ходу роты
Перед танками врага...
Скажем мягко, для пехоты
Не укрытие снега.
Тощий снег прикрыл, как марлей,
Придунайские поля,
Пухом стала многим нашим,
Затвердевшая земля...
У кирпичного строения
Развернул эНПэ своё,
Здесь нам не было спасенья —
Привлекало всех оно.
По нему лупили танки,
Мины падали шипя,
Как картон, кирпич болванки
Пробивали, так, шутя.
На эНПэ скопилось много
Офицеров не штабных:
Рядом не было иного
Укрепления для них.
Вот из танка выстрел ухнул,
Взвилась пыль от кирпича...
Из стоявших рядом, рухнул,
Кто-то, голову склоня.
Покатилась наземь шапка,
На погоне — три звезды,
Голова — волос охапка,
Потеряла жизнь бразды.
Что ж бывает смерть такою,
На руке, браслет, кольцо...
Взяв за волосы рукою,
Повернул к себе лицо.
Офицер из боепита
Пал из нашего полка.
Вот где смерть была «зарыта»...
У меня дрожит рука:
Мой он был однофамилец,
Тоже — старший лейтенант,
Для семьи: отец-кормилец,
Посылал нам «провиант».
Редким гостем был к комбатам.
Его место не в бою.
Не известен был, солдатам
В фронтовом нашем краю.
На минуту лишь над телом
Я в прощании застыл...
Чтоб достойно схоронили,
Приказал отправить в тыл.
Вместе с телом на подводе,
По тылам ползла, ползла
Весть печальная в народе,
Что убили, мол, меня.
Вечером, в седле, усталый,
Ехал тем же в полк путём.

По дороге в день тот шалый
Видел радость я кругом.
Каждый встречный подбегая,
По ноге ласкал рукой,
Жизни долгой мне желая,
В круговерти фронтовой.
От домов неслось повсюду,
Где славяне, стало быть,
Все кричали: значит буду,
Буду долго, долго жить.
Так встречали, словно брата,
Разве думалось всерьёз,
Об известности комбата —
Люди тронули до слёз.
Чувствуя такую встречу,
Горделиво шёл мой конь...
Чем же всем друзьям отвечу?
Я за них — готов в огонь.
Да, велико наше братство,
Закалённое в огне...
Все душевные богатства
Испытал на той войне.
27.02.85г.

Лейтенант Роберт Смирнов
Адъютантом старшим был,
Он в стрелковом батальоне
Юмористом тонким слыл.
Скажет пару слов, бывало,
В ситуации иной.
И тревог как бы не стало —
Смех посыплется лихой.
Словом, грусть тоску разгонит,
Между прочим, невзначай,
За душу, так метко тронет,
Как родного величай.
Всем как будто бы доволен.
В деле был не говорлив,
Рассудителен, спокоен,
В действиях не суетлив.
В двадцать, ёжиком-вопросом
Русый волос прорастал,
А над вздёрнутым чуть носом
Доброту взор излучал.
На лине, по-детски светлом,
Голубые с синевой,
Выдавали лишь смущенье
И задумчивость порой.
У селения Мужланы,
Где впадает Грон в Дунай,
Нам расставили капканы,
Не забудешь этот край.
Верен здесь себе остался,
Напоследок — «сьюморил».
В плен фашистам он не достался:
Пулю в лоб себе пустил.
22.02.65 г.

МОРАВА

МОРАВА

Очутились мы в апреле
На моравских берегах.
В Австрию попасть хотели —
С переправой вышел крах.
Не успели зацепиться
На австрийском берегу,
Как обратно полетели,
Раздеваясь на ходу.
Правда, в нашем батальоне
Переправу сочинил.
На резиновом понтоне
Груз и раненых возил.
Только вот сосед наш справа,
Быстро с берега ушёл.
Изгибалась там Морава —
Немец эту брешь нашёл.
Потопили пулемёты
Наш единственный понтон.
Нас накрыли миномёты,
От осколков только звон.
Кто остался — раздевался.
Вплавь теперь пехота шла...
Трос понтонный оборвался,
Очередь моя пришла.
Всё прикрытие уплыло.
Я стою на берегу,
На воду смотрю уныло:
«Как себе то помогу?»
Здесь река с полсотни метров,
Это для меня пустяк.
Не страшусь я километров,
Вот с одеждой только как?
Для узла предметов много,
Да и некогда вязать.
Жалко всё, возьми любого.
Кто захочет оставлять?
Сапоги, кожанку — брошу,
С остальным же поплыву...
На воде чужую ношу
Ясно вижу наплаву.
Гимнастёрка шерстенная
«С королевского стола».
Вязь погонов золотая,
Вся искрится в два крыла.
Офицера фронтового,
По воде, мечта плыла
Не видали мы такого,
Хоть о том молва была.
И обидно мне, вдруг, стало,
Что бросают всё — вот так...
Нет, не брошу, не бывало,
Не увидит шмоток враг.
Полы вывернул кубанки,
Документы уложил,
Жаль, что не было ушанки,
И поглубже насадил.

Пистолет, планшет и сумка,
Пейс, кинжал и автомат,
Да патронов два подсумка,
Ещё парочка гранат.
Вот и все моё хозяйство,
Так сказать, мой личный клад.
Не примите за зазнайство —
В воду шёл, как на парад.
Пол реки проплыл прилично,
Бодро резал воду нос.
Всё намокло лишь частично,
По течению плыл, на снос.
Но, доплыв до середины,
Я почувствовал — тону.
Глупой более картины
Сфантазировать лишь сну.
Вертикально стало тело.
Не могу мотнуть ногой.
Да к тому похолодело.
Всё наполнилось водой.
Кожа брюк и кожа куртки
Сталью лат топить грозят.
Всё разбухло, кроме шутки.
Сапоги свинцом висят.
Неужели в этой луже
Мне придётся погибать?
Что ещё могло быть хуже,
Грязь в сознании глотать?!
Было мне теперь всё ясно,
Как валяют дурака,
Трепыхаюсь так напрасно,
Тут припомнишь Ермака.
Потону, но не сниму!
Всё упрямо я твердил.
Но тут, к счастью моему,
Сам сапог то, соскочил.
Ну, туда ему дорога!..
Делать нечего, другой,
Потрудился я немного,
Сбросил, честно, сам ногой.
Тут же ноги кверху всплыли.
Можно, кажется, вздохнуть.
Руки мне послушны были.
Мог теперь передохнуть...
Не терять решил я силы.
Для поддержки лишь грести.
Воды к берегу другому
Могут сами принести.
Потихоньку подгребаю
К чешским нашим берегам...
Тут я только замечаю:
Смолк зловещий боя гам.
Лишь один пузырь кубанки
Из воды, поверх, торчал.
И, казалось, остов банки
Ветерок слегка качал...

Накось — выкуси...

Трупом к берегу прибило.
Приподняться нет мне сил,
Тело холодом знобило,
Как перина мягок ил.
На тупом прицеле смерти
Я лежал под берегом.
В молодой листве, поверьте,
Жизнь резвилась вся кругом.
Отлежался, отдышался
И в кусты лихим броском.
Сам себе орлом казался...
Мокрым правда, босиком.
Я Мораву не забуду,
Там промыл себе мозги:
В другой раз — на шею буду
Лучше вешать сапоги.

14.05.83 г.

Накось — выкуси...

Прорвались к нам в город танки.
Шкодят гнусные с изнанки,
Не учесть их разворотов
Возле роты миномётов.
Чтобы не было худого,
Передал через связного:
«Изменить позицию!»
Улетел он птицею.
Возвратившись,- доложил,
Что приказ мой отменил
Старший чином офицер.
С места, мол, ему видней,
Где она сейчас нужней.
Командир тот был не свой,
Части, видимо, иной.
Поспешил туда, в подмогу.
За железную дорогу.
Перебросить поскорей
Роту властью я своей.
В роту быстро подскочил
И приказ свой повторил.
Рота сразу поднялась
И за насыпь убралась.
Пока с чином пререкался,
Сам отрезанным остался
От эНПэ, от батальона —
Вылез танк из-под уклона.
Глаз орудия вперил,
Путь к отходу преградил.
Хищно смотрит пулемёт.
Притаившись, жертву ждёт.
Метров тридцать мне до них.
Зверем диким танк притих.
Смотрит гад из-под моста,
Сверлит дулом все места
Перекрыта мне дорога.
Дерзость лишь одна подмога:
Должен я в один напор

Я рванулся, но — запрет —
Перед ним ещё кювет...
Вот его в расчёт не взял.
Прыгнуть если то пропал,
Коль повисну на заборе,
Продырявлен буду вскоре.
Повернул и вдоль дороги,
Я помчался, дай бог, ноги,
Где конец забора был
И спасение сулил.
Спохватились тут фашисты.
В плен решили взять танкисты.
Дробно строчит пулемёт,
Пулями «гармошки» рвёт
На мелькавших сапогах.
Всё спасение в ногах.
Если выше чуть возьмёт,
То ничто уж не спасёт.
Но упрям был пулемётчик.
По ногам строчил молодчик.
Всё ж задел он ногу мне,
Будто побыла в огне.
Не снижая темп — бегу,
Мысль одна стучит в мозг:
«Только не из пушки.
Только не из пушки».
Знал, что башенный следил,
Что маневр мой раскусил.
До конца ограды ждал:
На холодный спуск нажал...
Я, тут сделал вбок прыжок,
Мне ещё один рывок...
Взвыла за спиной болванка,
Смерть, несущая от танка.
Лишь бетон лизнул металл —
Я на насыпе стоял.
Показал им жест простой:
Между ног кулак с рукой...
Рванулся с места в злобе враг,
Международный видя знак.
Обидою взревел мотор —
Не влезть ему на косогор.
Пришла обида и ко мне:
Кровь сочится в сапоге,
Рвань голенищ обеих ног...
Жалко стало мне сапог.

13.12.83 г.

Пересечь — шоссе, забор,
Что тянулся от моста
Чуть длиннее метров ста.

ХОББИ

ХОББИ

Голубой Дунай, как флаг:
Нитра, Грон, Морава, Баг,
Тиса, Днестр и Днепр, и Прут —
Сувенирами живут
Ярко в памяти моей,
Сохраняя свежесть дней,
Грозной юности далёкой.
Как с подругой синеокой
Говорю бывает с ними,
Как с друзьями, как с живыми...
В них не только ведь вода —
Наша кровь по ним текла.
В водах их, на берегах,
Голым где, а где в штанах,
/В разных качествах бывал/
Реки все переплывал.
Где с боями, взад — вперёд,
Иногда наоборот:
Просто, ради удалства,
Для отметки, озорства.
Помню день один в апреле,
Берега уж зеленели,
Переплыл весенний Ваг.
/Мост взорвал коварный враг/.
Переправа шла без боя.
Выше моста, голым стоя,
В тёплых солнечных лучах,
Наблюдал, как на плечах
С пулемётом с автоматом
Шёл солдат наш за солдатом
По горбатым мокрым скатам
Ферм, обрушенных с покатом.
Балансируя с трудом,
Над обрушенным мостом.
Спотыкаясь о заклёпки...
Видно было, что не робки.
По реке, на плоскодонках,
Соревнуясь в быстрых гонках,
Груз возили, что нельзя
На плечах нести скользя.
На одной из плоскодонок,
Напрягаясь в пылу гонок,
Зазевался ротозей —
Вешних вод напор сильней.
Лодку к фермам в миг прибила,
Три «максима» поглотила,
Бушевавшая вода...
Вот беда, так уж беда!
За такую, за утрату,
Попадёт мне, как комбату,
И, любой стрелы быстрее,
Прыгнул в воду я за ней.
Отрабатываю кролем,
А река грохочет с воем,
Мост «несётся» на меня,
Воды бешено крутя.
У центрального пролёта,
Зацепился я с налёта.

Надо мной солдат висит,
Что-то через шум кричит.
Плана нет, как доставать.
Можно только рисковать.
Действовать почти в слепую
И нырять напрапалую.
Вниз скольжу по переплётам,
Вперекор водоворотам.
Где же лодка? Встречусь с ней?
Сердце бьётся всё сильнее...
Опускаюсь ниже, ниже...
Отыщу ли в мутной жиже?
Вот и лодка, плоским дном
Прилепился на нём.
Шарю дальше, мгла кругом,
Вдруг столкнулся со стволом.
Подцепил ногой за «хобот»
И, работая, как робот,
Оказался над водой...
Выигран с пучиной бой!
Плыть обратно я не мог.
Да к тому же весь продрог.
Видно на берег идти
По солдатскому пути.
Вылез я на горб пролёта,
Ну, давай, пошла пехота,
Шпарь по фермам голяком,
А у горла смеха ком...
Ведь на том, на берегу,
В тесном дружеском кругу,
Нас встречали горожане,
Братья наши, то ж славяне.
У моста стоят толпой
И, приветственно рукой,
Машут чудо — старикам,
Что пришли к их берегам...
У славян всех на виду
Я «торжественно» иду.
Голый весь, Христос — Христосом,
С посиневшим телом, носом,
С закорючкой — запятой...
Видик, точно, не лихой.
Весь покрыт гусиной кожей,
С кислой, вымученной, рожей...
Так и шёл «освободитель»:
Благородный, добрый зритель
Бурно мне рукоплескал,
Солнцем женских глаз ласкал...
Не забуду те моменты —
Я сорвал аплодисменты!
15.04.83 г.

Подруги

Подруги

Давно отгремела война.
Многих соратников нет.
Невнятна страница одна —
Про женщин военных лет.
Героев кровавых боёв,
Походов, бдений ночных ...
Из разных армейских слоев:
Строгих, весёлых, шальных.
Трудно вам было девчата:
Лапы тянула к вам смерть,
Руки тянули солдаты,
Каждый хотел вас иметь.
Нежное сердце опоры
Искало в вихре страстей,
Любовью и страхом взоры
Горели среди смертей.
Химерны были надежды,
Как взрыв, разрушала смерть.
Рушили жизни невежды:
Им плюнуть и растереть..
На маршах вас обижали:
"Воздух" - кричали вам в след
И Пэ Пэ Жэ обзывали ...
Много вам выпало бед.
Шлю от охальников привет!
Соратники- подруги!
Примите радужный букет!
Целуем ваши руки ...
Гол сорок пятый!
Седьмое мая. Утро. Нова-Весь.
Вся декорация — в три цвета.
Над нами — синь бездонная небес,
Вкруг — изумруд в лучах рассвета
И темень мрачная сырой земли
Окопным дыбилась фасадом.
Слои из скорби, горя облегли —
Мы были по соседству с адом.
В высь голубеющую взор взметнёшь —
Летит надежда птицей мнимой,
Вдаль, зеленеющую им уйдёшь —
В лугах родных мираж с любимой.
С высот лазурных — песнь жаворонке
Ручьём весенним журчит, журчит,
Сжимает сердце тоски ручонка
Как мать, трель песни — журит, журит.
Сегодня зреет здесь жестокий бой
С артиллерийской мощью фронта.
Жжём «увертюру» мы на сиене той —
От бруствера — до горизонта.
Обманчива на фронте тишина.
Коварны прелести пейзажей.
Смотри, ищи, где прячется «она» —
У смерти множество пассажиров.
Вздохнула тяжко за спиной земля:
ЭрЭсы небо прочертили,
Снаряды: ринулись свистя, ревя...

Прелюдии не слышали от Ясс,
Такой могучей, богатырской:
Шли ноги сами в дикий перепляс,
Подъём был силы исполинской!:
Передний край и в глубине врага,
Казалось, всё измолотили...
Окопы, заграждения тогда,
Дымы разрывов поглотили.
Один немой кладбищенский косяк,
Огнём не тронутый остался.
К усопшим долг почтения не иссяк,
Во фланг он, слева, выдавался.
В напряжение, ждём сигнала.
Пехота вся готова в «драку»...
Земля от взрывов ещё дрожала:
Ракеты взвились — «Всем в атаку!»
Рванулись дружно. Вот ротный, слева,
Осел мешком в призывной позе...
Стихом не выдать всю ярость гнева —
Отводишь душу в русской прозе...
Досады горечь и боль утраты
Виной невнятной в душе лежат:
Ведь пол-Европы прошли солдаты,
Войну закончить теперь спешат.
Как спотыкаясь, падают бойцы,
В траву зелёную немея,
Навеки улеглись войны косны,
Проститься, время не имея.
Убит разведчик Жора — армянин,
Курчавый сероглазый парень.
Лежит в траве, раскинувшись один,
Недоуменный взгляд, как камень.
Прыжком, перескочив через него,
Не замедляя скорость бега,
Попал пол пули снайпера того,
Что бил с кладбищенского берега
От первой пули, лизнувшей тело,
Снопом свалился, затих, как мышь:
Коль пристрелялся — бежать не дело,
Мишенью долго не пробежишь...
От снайпера защита лишь одна:
Притворство и броска внезапность,
Упал картинно, хитрость здесь годна,
Переиграй его азартность.
Сместись незримо, отползи змеёй.
Собравши силы — ещё бросок,
Лети, как камень, пушенный пращей,
Чтоб на прицеле враг не засёк...
Не повторяя, приём обмана,
Неудержимо спешил вперёд,
А снайпер сыпал, как из «кармана —
«Досадно, ведь офицер уйдёт»...
Работал снайпер, как видно., в «паре»:
Залечь стремился нас заставить,
Сорвать атаку, но как в угаре,
Пехота шла штыком добавить.
Речушку — в брод, бегом на взгорок,
Прошла пехота по костям врага...

Стволы все разом говорили.

В село ворвались, на пригорок,
А за селом опять — поля, луга...

Грубость? # Май! # Капитуляция # Обозники

Закончен бой, вся наша Нова-Весь!
Нет радости — гнетут потери...
В высь взвилась ракета: «Здесь!»
Ещё одни взломали «двери».
Узнаем завтра: «Кончилась война!»
Окончились народов беды...
Над нами торжествует тишина...
Ей безразличны — смерть, победы...
30.11.85г.

Грубость?

Чтоб сдержать в бою бегущих,
Потерявших управление,
Здесь «реверансы», власть берущих
Кулак и пуля — в убежденье.
Кто знает сущность, тонкость боя,
Спокоен, ясно видит цель.
Не фарс пижона или героя —
В бою смертельна канитель.
Суров был Жуков: в Ленинграде,
При отступлении под Москвой,
Под Курском был не на параде,
На Халхин-Голе не святой.
Вводил заслоны на дорогах.
Подчас в них сам в цепи стоял
И, на решающих порогах,
Бегущим, спуску не давал.
Срывал погоны с генералов,
Кому-то врезал кулаком,
Но возвеличил капитанов,
Стоявших насмерть пред врагом.
Припомнили ему поганцы,
Когда попал в опалу он.
Завистники им дали шансы:
Нести повсюду — гнусный звон.
Война не хор — защита жизни,
Не оруджавовский парад.
Священный долг служить Отчизне.
Любой нормальный ей не рад.
4.06.99г.

Май!

Не забыть Победный Май!
Как и тот Передний край,
Где застал коней войны,
Вновь, ГДЕ были рождены!
Где начали вновь мечтать,
Живы что, осознавать.
Возвратимся в дом родной,
Соберёмся всей семьёй.
Вновь увидим матерей,
Жён, любимых и детей...
Мы не верим, по сей день,
Что войны исчезла тень,
Всё стоим ещё в строю,
Напряжённо, как в бою,
Чует сердце, где — то враг
Караулит каждый шаг...
4.05.83 г.

Капитуляция

В осколках памяти, порой,
Встают картины предо мной,
Теперь уже далёких лет,
И поражений и побед.
Один сюжет всегда со мной,
Сверкает яркою звездой.
Не на пляже было в Хосте,
Наше торжество в Карлсхорсте.
И дело для меня не в том,
Кто роспись ставил за столом.
Здесь Жуков Кейтеля подмял,
Здесь жезл фельдмаршальский отнял!
Поставив подпись, Кейтель встал.
/Хотел «толкнуть» свою он речь/
По залу Жуков прошагал,
Чтоб ханжескую речь пресечь.
Из поднятой руки врага
Он вырвал жало навсегда.
Не дал озвучить немцу спесь.
Тут жуковский характер — весь!
Монокль безжизненно повис,
Сел побледневший Кейтель, скис.
Но ни один искусства вид
Нам эту сиену не хранит.
Из хроники победных лет
Сей просто вырезан сюжет.
18.04.02г.

Обозники

О г л а в л е н и е

Сборник военных стихов	1
СТИХИ НАПИСАННЫЕ СЕРДЦЕМ!	2
1944г	4
Ода 1924 году рождения	5
Война!	7
Мой друг! # Декабрь 1941 года # Сталинград ...	8
Катюша # «За отвагу»	11
«Посиделки на войне»	13
Ленинград	14
«ВТОРОЙ ФРОНТ»	16
Рейментаровка, Васильевка	19
ВАНЯ! # Сестра, чаю!	21
1944 год # Лопато	22
Что сильнее?	24
Страх?	25
Мальчики	26
Безнадёжность	28
Долго жить	30
МОРАВА	31
Накось — выкуси	32
ХОББИ	34
Подруги	35
Грубость? # Май! # Капитуляция # Обозники .	36
Память! # На караул # Орлена ...	41
Коммунизм # В Лету ...	42
Год Обезьяны # Налимы # Год козла	44
СЫНЫ, МОИ!	46
Год петуха # Год Собаки	47
Пушкин # Ветеран # Москве — 850 лет	48

Мамаша! # Совету Матерей # Смирнову Ю.А.	49
АМЕРИКА! # Вахта памяти	51
Я — коммунист!	53
На завалинке # ЗА ОБОРОНУ ЗАПОЛЯРЬЯ ...	54

Испокон веков ведётся:
 Слава трудно достаётся
 И пехоте, и гусарам,
 А обозникам всё даром
 И трофеи, и награды.
 Кровью смыли им преграды,
 Кто орудовал штыками,
 Кто протопал путь ногами.
 Им достались одни раны
 Да в рядах друзей изъяны.
 Три «обозные» державы,
 Посчитали, что, мол, «правы»:
 Украсть у нас Победы честь...
 За стол келейно с немцем сесть.
 Без достоинств — «супермены».
 Одним словом — «джентльмены»...
 «Резину» тянули всю войну.
 Не нам помогали — врагу.
 9.05.02г.

Галине Михайловне Лариной

Помню...

Помню...

Площадь Красная —тиха...
Скорбью скованы сердца,
Смотрит тысячами глаз
На него в последний раз.
Звуки траурного марша
Разрывают болью грудь.
Свой — последний в мире солнца.
Совершает Сталин путь.
Льва хоронят! Будто Солнце.
Мудрость, Стойкость и Грозу.
Он не тусклое «оконце»:
Скорбь народа — наяву.
Дух его над всем витает:
Над Кремлём и над Страной...
В этот день никто не знает —
Ждёт Вождя шакалов вой.
20.11.00г.

* * *

Лишь заведомый подлец
Может хайть Сталина,
Одураченный глупей,
Да холоп у барина.
Все мудрейшие мужи
Уважают Сталина
Мажут — скользкие ужи,
Злоба в ком оскалена.
Даже Черчилль говорил:
«Повезло, что жили с ним...»
Не любя — боготворил.
Умным — всюду Сталин чтим.
Отношение к нему —
Лакмус на порядочность.
Только ясному уму,
Вся видна «загадочность»
Сталин — Знамя! Сталин — Вождь!
Всех Побед — начало!
Грязь — всю смоем правды дождь,
Чья бы сволочь не кричала.
26.01.99г.

* * *

Нет Победы без Сталина!
Как космоса без Гагарина,
Как Октября без Ленина...
Жизнь его именем — вспенена!
Народов Страны десницей,
Как Зевс управлял колесницей.
Имя — «Данко» сердцем горело,
Как знамя победное рдело...
Бесплодно рвать Историю,
Менять людей категорию...
Осталось отнять медали,
Что с профилем Сталина дали.
Кто разрушил наш Сталинград?
Тот кто назвал его — Волгоград.
Славы карлику не дало —
Веру в народе подорвало.
В прошлом ещё не бывало —
Вождя у Победы не стало.
На радость исконных врагов —
Бросаем в грязь с божницы богов.
Нет Победы без Сталина!
Как космоса без Гагарина,
Как Октября без Ленина...
Жизнь его именем — вспенена!
5.02.85 г.

О войны! Романтика и горе!
Бои, потери, героев торжество,
Страх, мужество, смерть, слёз горьких море...
Виною всему — наживы божество.
Герои защищают свою землю.
Напавшие наживой прельщены.
И я, хотя убийства не приемлю,
Мы, верю, для защиты рождены.
Мы защищаем кров свой, наши семьи,
Края, что пропитание дают
И политые нашим потом земли,
Привычный незатейливый уют.
Испокон веков, оружие куём,
Наращивая мощь из века в век,
Жадностью себе проблемы создаём,
Считая, что разумен человек.
В демографической пучине — беды!
Не регулируем объёмы рас.
Плодимся так же, как и наши деды.
И пожирают войны глупых нас.
Неустройство государственных систем
Раздоры, смуты, моры создают...
Соседи — те что, поумней, меж тем,
Мечи агрессии тайком куют.
01.03.97г.

Память! # На караул # Орлена...

Память!

Храм Покрова, что во Филях,
Ажурный, стройный — весь в огнях!
Тьмою смут не разорён —
Силой веры освещён.
На развилке, у заставы,
Обелиск московской Славы
Десять лет не освещён
И никто не возмущён! А ведь этою дорогой
Шли московскою подмогой
Ополченцы в картузах:
За Победой — не за страх.
Головы отцы сложили,
Но фашистов не пустили
В стольный наш Великий град.
/Шестьдесят уж лет назад./
А сегодняшнее племя?
Терпит нас, как будто бремя.
Сами тешим лишь себя,
Свою память беребя.
Постепенно, из героев,
Превращаемся в изгоев.
Если подвиги не чтят,
Нам, действительно. Капут.
5.12.01г.

На караул

Вновь в караул у порога
Жизни ушедшей я встал,
Как боевая тревога,
В сердце сигнал прозвучал...
Нет, никогда не мирились,
В «путь» провожая, мы с ней,
Слёз никогда не стыдились,
Видя усопших друзей.
Скупы солдатские слёзы,
Их не заметишь порой —
В ранце ведь смерти угрозы
Носит всегда он с собой.
Там же лежит и надежда.
Выжить и маршалом быть...
В бронь не годится одежда —
Каждого может скосить.
Бури давно отгремели,
Славу Баян нам поёт...
В сердце своём не старели —
Время упрямо идёт.
29.01,85г.

Орлена...

«Во саду ли, в огороде»
Собрались у стола,
При честном при всём народе,
Старики забить «козла».
Накалялись быстро страсти
В той компании взрывной.

В теле был износ отчасти,
В душе — каждый молодой.
Слово за слово и стали
За столом уже враги.
Всё, что можно, поминали,
Бот до крайностей дошли.
«Козёл» пышет злобы жаром:
«Что твои мне ордена
Не нужны они мне даром —
Жизнь у всех людей одна.
Ты, работая, постился,
Я все годы пил сполна.
Ты в морали отличился —
Я в морали пал до дна.
На груди ты планки носишь -
Валидол под языком...
У меня займы ты просишь
И концы сводишь с трудом.
Хоть бы к пенсии платили
За твои все ордена,
Хоть бы чем — то отличил —
Уважали бы тогда.
Ничего ты не имеешь
Ни за кровь свою, ни труд
Книжкой орденой твоею
Детям что — то подотрут...»
За столами, на скамейках...
Так пикируют «друзья»,
Хоть упрёк всегда в копейках —
В сердце бьют, как из ружья.
4.03.85г.

* * *

Вы простите меня, мужики,
Отмечаем Победу мы — чаем...
Грузы жизни, увы, не легки —
Поздно, сердце, что есть замечаем.
И, чем дальше Победные дни,
Тем тревожней набат поминаний.
Не уходят из сердца они,
А сердца не литьё изваяний.
Наши души подобны литью:
Память бурных времён не слабеет,
Не изменим мы братства чутью,
Хотя плоть наша всё же стареет.
Омрачают нас чёрные дни:
Продаются победы дельцами.
Обливают всё грязью одни,
А другие страдают сердцами.
Да к тому же прошли сквозь сердца
«Перекрестия» всех перестроек...
Об одном только просим творца —
Избежать бы больничных нам коек.
4.05.89г.

Коммунизм # В Лету...

Коммунизм

Коммунизм — гармония отношений,
Реальность жизни и новь поколений.
Коммунист — рыцарь двадцатого века!
Облик мечты — честного человека.
Не каждый член партии есть коммунист,
Хотя и в работе, порой, активист,
Красиво рисует текущий момент
И внешне, одеждою, интеллигент.
Не каждый член партии честен в душе,
Хотя и гарцует на «правде-коне».
Из кресла, над нами, берётся судить,
В делах производства, науки рядить.
Не каждый член партии, скажем, мудрец,
Хотя за идеи — первейший борец,
Иной раз с трибуны встаёт поучать,
От дела, от жизни людей отлучать.
Е каждый морально, физически чист,
Хотя и гордится, мол, я — коммунист.
Забыв — чистоплотность не новый пиджак,
Она не даётся любому за так.
Не каждый член партии и патриот,
Хотя на собраниях в грудь свою бьёт,
Срывает пиджак, призывая в «кресты» —
Бросаются в бой, а оратор — в кусты.
Но каждый член партии видится всем:
И честным, и мудрым и чистый совсем.
Страны патриотом, деяний её,
Несёт высоко назначение своё.
Ведь лучшие люди в ряды,
Но и пролезали, конечно, скоты.
К любому величью липнет жульё,
Как воши на теле плодится ворьё.
Член партии только лишь тот коммунист,
Кто мыслями, духом, физически чист,
В ком светится всё, всё играет, поёт,
Кто, ради идеи на жертвы идёт.
Мечтали об этом народы всех стран,
Поэты мечтаний ведут караван...
Реально сложился сей облик у нас,
Дай Бог, коммунистам, чтоб он не угас.
25.05.90г.

В Лету...

Последние участники войны
Стоят у перевоза в Лету.
В защиту и строительство Страны
БЫЛИННУЮ, вложивших ЛЕПТУ.
За перевоз Харону ордена
Идут в расплату и медали:
За кровь, за труд не платит им Страна,
Под старость нагло обокрали.
Скорей из Леты бы глотнуть воды,
Всё вмиг забудется на Свете
И провалится вслед в Тартарары,
Чтоб за позор не быть в ответе.
12.11.04г.

* * *

Партия — строй для действия масс,
Цемент, скрепляющий блоки.
Её костяк — трудящийся класс,
А не библейские пророки.
Надежда народа — Партия,
Советской эпохи — Вера.
Братства народов есть хартия,
Гражданства, честности мера.
Каркас государства — Партия.
Это оружие — Партия.
Атомной бомбы мощнее.
В идейном единстве Партия —
Любых катаклизм сильнее.
Есть у Партии слабость одна —
Голова вершит всем делом.
Обратная связь на боль нужна,
Испытываемую, телом.
27.05.90 г.

* * *

Три московских ротозеза
С бронёй решили пошутить,
Но хулиганская затея
Им приказала «долго жить».
И не знали, не гадали,
Что от этой спички — дури,
Сразу в ранг святых попали.
«Демократы» вздули бури.
Звон пошёл по всей Великой,
Через первую программу,
По России многоликой
Разыграли лживо драму.
«Со святыми упокой» —
Пел им сам митрополит...
Здесь великий сан такой,
Потерял гражданский стыд.
От жары, скорей, наверно,
Совершил, и впрямь, оплошность.
Освятил, и это скверно,
Политическую пошлость.
Ни геройские медали,
Ни кладбищенский «уют»,
Фарисейски, что им дали,
От фальшивки не спасут.
Что блефуют «демократы»,
Это всем настолько ясно,
Скрыть позор — пусты затраты:
Пала низко честь, ужасно...
3.11.91г.

Год Обезьяны # Налимы # Год козла

Год Обезьяны

Ничего не скажешь тут:
Обезьяньим год зовут.
В прошлый год была мартышка,
Как ни как, а всё же шишка,
Президентом называлась,
Перед Миром всем кривлялась,
А теперь: пятнадцать сразу,
По волшебному указу
Кувыркаются в саду
Всем народам на беду.
В одной «роще» поселились
И, на радостях взбесились.
Рвут «бананы, апельсины»
В иностранные «корзины»,
Даже листья обтрясают...
В пустоте зады блистают.
На «деревья» взгромоздясь,
Каждый мнит: «Великий князь»
А таких князей уж били,
Когда «тигры» приходили.
Под помостами орали
И бесславно погибали.
За чванливое дерьмо:
Весь народ влачил ярмо!
1992г.

Налимы

Плыть по течению — немудрено.
Тащит стихия, словно бревно,
Держись подальше от левых, правых,
Крутых берегов или кудрявых.
Ловчи, подгребай, — сохранишь бока,
В ил не уткнёшься, этак, пока...
Плывут по течению мудрецы,
С ними вкупе снуют подлецы.
Куда бы их русло ни понесло,
Уходят из жизни солдаты
Кровавой Второй мировой,
Последние видят закаты
В обнимку с доской гробовой.
И тягостны думы героев...
Не раны, а души болят:
За труд, за Победу в изгоев
Солдат превратит норовят.
Не только «щенки» оскорбляют,
Когда их одёрнет солдат —
ОМОН против них применяют,
А сами о Боге галдят.
Предав результаты Победы,
Предав пролетарский наш дух,
Накликав на русских все беды,
В душе, ненавидя, - льстят в слух.
Ничто, по сравнению, раны
Пред полным развалом Страны.
Во лжи, как в дерьме ветераны —
Бесславно уходят сыны...
11.06.93г.

Год козла

Год предательства и лжи!
Простаков и дураков,
Без пути и без межи,
Проститутток, варнаков
Так трагично, что смешно,
Сами высекли себя,
Хоть смеяться и грешно,
Но смеюсь в душе, скорбя.
Расшакалили Союз,
Грабят Армию и Флот,
Что ни «волося», то свой туз,
А наделе — идиот.
Мнит себя царём Вселенной,
Хоть остался без порток.
Хочет славы и нетленной,
Хоть гнилой, но свой мирок.
Поласкают всем мозги
Год Козла или Барана?
Пояните, мудрецы?!
Или Ельцина-шайтана?
Президента ли овцы?
Иль ещё какой скотины
Иноземной, скажем, там?
Перед кем горбатим спины?
За кого мы терпим срам?
Ведь была, была Россия!
И могучий был Союз!
Появился, вдруг, «мессия»:
Не Союз теперь — конфуз!
Ножки, рожки по дорожке
От России видим мы,
Да предательские рожи:
Средь экранной кутерьмы.
Представлялся, как спаситель,
А «Мессия» то — баран,
Туполобый разрушитель:
Не Россия — Ельцин стан.
И ответил мне мудрей:
«Что не видишь сам, слепец?
Это год большого зла,
Год вонючего козла».
1991г.

Сукно К. Ф.

Мы не ржавели по затонам,
Как стальные пароходы.
По быстринам и "уклонам"
Проявляя себя сами,
Что за сволочь хочет жить.
28.04.96г.

* * *

Реставрацией шальной,
Что не видим мы ни зги,
В этой тьме, хоть волком вой.
1991 год

СЫНЫ, МОИ!

СЫНЫ, МОИ!

Когда политики взбесились,
Когда толпа вершит дела,
Когда все граждане лишились
Опоры, веры и руля,
Когда вновь армию курочат,
Страшней чем в сталинские дни,
Когда развал Страны пророчат —
ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ, СЫНЫ МОИ!

Ведь вам и нам, простому люду,
Пролить за дурь придётся кровь,
К кровавому нас тянут блюду —
Не дайте дури править вновь.
Лишь политические воры
Вершат подобные дела...
Лишить народ такой опоры,
Какой нам армия была?!
Взгляните, кто прорвался к власти?
Кто сводит счёты лишь свои.
Деляческие взмыли страсти —
ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ, СЫНЫ МОИ!

Спросите, по какому праву
Те кто не строил рушат ДОМ?
Вразнос пустили всю Державу!
Всё, что накоплено трудом.
В чьи руки отдают богатства,
Цена которым — кровь и пот?
Ведь сила наша — наше братство,
А не наглеющих господ.
Кто не поймёт, что нет возврата
К иконам, Богу, торгашам...
ТОВАРИЩ нам — дороже злата,
Проклятье шлём мы «господам»,
Вся сила наша в капитале,
Который был в руках
Страны, А не в купеческой морали —
ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ, МОИ СЫНЫ!

Кому противен зов — товарищ?
Кто рвет знамёна, ордена?
Злорадствует в огне пожарищ?
Меняет градам имена? Те, захребетники
Державы, Кого поил, вскормил народ.
Им мало стало общей славы —
Дай, положение господ.
Разврат, насилие — их норма,
Продажа чести, тела, душ...
Нам — голых женщин, вместо корма,
С экранов — западную чушь.
На всё, что жертвуя создали
Отцы и матери твои,
С усмешкой наглой наплевали —
ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ, СЫНЫ МОИ!

Не дайте людям безыдейным
Опошлить, чем жила Страна.
Ведь даже людям беспартийным
Не безразличны ордена.

Лишить наград отцов и дедов,
Многострадальных матерей —
Труда и подвигов полпредов
И славы воинских частей.
Предать героику солдата,
Предать героику труда,
Устроить травлю брат на брата —
Способны только «господа».
Я говорю от тех, кто строил,
Кто шёл на смерть, за честь
Страны, Чужой копейки не присвоил —
ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ, МОИ СЫНЫ!

Ведь в жгучей капле чугуна
Или алмаза яркой крошке —
Кровь наша алая видна,
Те, всё «под хвост пустили кошке».
Нас опозорив, обокрав
И нищими представив Миру,
Все наши ценности предав,
К чумному всех толкают пиру.
И знайте, дети нашей славы,
Я говорю от всей Страны
Пред вами мы склоняем главы —
ВОЗЬМИТЕ ВЛАСТЬ, МОИ СЫНЫ!

Страна должна стоять в строю,
Как вы, солдаты перед боем
И долю выполнять свою,
А не метаться в страхе с воем.
Всех паникёров, шептунов,
Предателей любой породы
Прижмите ногтем, как клопов,
Пока не рухнули все своды.
15.01.92г.

*** * ***

Фронтовики! Снимите ордена!
Когда предала подло их Страна,
Когда не нужен ей патриотизм,
Когда вонзил в нас штык капитализм,
Когда с ног на голову ставят всё
И грабят нагло глупую её.
Когда не стало нравственной межи,
Когда шульмуется всё слизью лжи,
Когда Великие Победы — «крах»,
Когда поруган злобно, павших прах,
Когда Советский трудовой народ
Разбит на множество цветных пород,
Когда взбесился национализм,
Когда нас лавочников ждёт фашизм,
Когда на улицах штурмовики,
Структур коммерческих боевики,
Когда нас разгоняет, бьёт ОМОН,
«Ату!» — кричат под колокольный звон,
Когда спускается гвардейский дух,
А мощь Державы разметают в пух,
Когда снимает даже брадобрей
Простые льготы со своих дверей,
Когда за кровь, за беспримерный труд
Героев нищими в гробы кладут...(28.08.93г.)

Год петуха # Год Собаки

Год петуха

Самый главный наш Петух
"Рынок" хвалит во весь дух.
И, взобравшись на навоз,
Тянет в гору этот воз.
Не найдя ещё зерно,
Кричит в каждое окно,
Славя старое ярьмо:
«Коммунизм: дерьмо, дерьмо...»
Несогласных кур он «мнёт»,
Громче и наглей орёт.
Но, «дружочек», как ни пой,
Вонь идёт от кучи той.
На монетах он завис
Без опоры, сей девиз.
Хоть с сиамской головой,
Да бездарной и тупой.
Видит это весь народ,
Но беззвучен его рот...
Завтра скажет с гневом вслух:
«Это бройлерный петух!»
10.09.93г.

Год Собаки

Рыщут по Руси «собаки».
Как монгольские баскаки.
Тянут всё из всех углов:
Воровской у них улов.
На Руси устои стали,
По собачьей все морали.
Лают люди хуже псов,
Не спасает слух засов.
Стала женщина товаром,
Будто в голод: берут даром
Обнаглевшие дельцы,
Кабели, а не купцы.
Доллар стал мерилом чести
И судьёй в собачей мести.
Рвут безжалостно людей
По обычаям зверей.
Окровавлена нам зорька
Бультерьером с кличкой — ■ «Борька».
Предал всё из коммунизма:
Сел на цепь капитализма.
21.11.94г.

* * *

Завидую, ушедшим без позора...
Вы, гордые Победой и Трудом,
Не омрачили перед смертью взора,
Ушли не с помутившимся умом.
Не ведомы вам наших душ страданья
И боль, кровоточащая сердец,
Не видите предателей деянья,
Терновый что надели нам венец.
Мы существуем в качестве подранков,
Нас добивают мишурой царей.

* * *

Разорвали «Оборонку»,
Как бумажную картонку.
Разорили институты.
Потеряли люди пути.
Не магнитит их зарплата.
Разбежались все ребята:
По палаткам, по конторам,
По мышинным разным норам.
Помоложе: те в нукеры...
Жизнь пошла у всех без веры.
Раньше знали: оборона
Выше всякого закона.
Лишь обиженные, богом
Были, ныли за порогом,
К интеграции взывали
С теми, кто нас разоряли.
Помня горести войны,
Добровольно впряжены
Были в эту мы телегу,
О развал страны Великой
Демократией безликой,
О бездарность генштабистов,
Ренегатов коммунистов.
Оборона государства —
Не армейские мытарства.
Оборона — институты,
Что плели стальные пути
Для любителей агрессий,
Против натовских диверсий.
По выраженью моряка:
Творцы легли все не бока...
17.11.93г.

* * *

Туго знают своё ремесло:
Хай, что осталось уже позади,
Не предрекай судьбы впереди,
Крути осторожней гибким хвостом,
Чтоб не кусали локти потом.
Чует фарватер историк-налим,
Экономист в компании с ним.
Держат их на плаву плагиаты —
В бедах людских — не виноваты:
Временщикам, угождая во всём:
Творцов Истории мажут — дерьмом.
4.05.93 г.

Пушкин # Ветеран # Москве — 850 лет

Пушкин

Смотрю на вас я с пьедестала,
На горстку жалких москвичей,
Дивлюсь я: «Чем Россия стала?!
Осталось что теперь от ней?»
Ещё при мне сердца горели
У самых храбрых сыновей,
С надеждою вперёд смотрели
И ненавидели царей.
Мечтали, как и ваши деды
Разрушить ненавистный трон...
Витали все в лучах Победы —
Постыдно пал Наполеон.
Кавказ-алмаз в короне русской
Вершин снегами засиял
И на границе польско-прусской
Солдат российский твёрдо стал.
С восторгом я смотрел века
На ваши славные дела Во имя Мира,
Человека Сияла Красная Звезда,
Но вновь повис петух двуглавый
С короной гнусной между глав
И вновь народ российский бравый
Поник главою, нищим став.
10.02.97г.

* * *

Завидую, ушедшим без позора...
Вы, гордые Победой и Трудом,
Не омрачили перед смертью взора,
Ушли не с помутившимся умом.
Не ведомы вам наших душ страданья
И боль, кровоточащая сердец,
Не видите предателей деянья,
Терновый что надели нам венец.
Мы существуем в качестве подранков,
Нас добивают мишурой царей.
Пигмеи ворошатся средь останков,
Иезуиты прут из всех щелей.
Не может здравый с оным примириться,
А честный — за прогресс развал принять.
Над нами враг способен так глумиться,
Дурак — за благо нищету принять.
Нам мстят и на горе Поклонной
И, злобно тянут руки в Мавзолей,
Дурачат, нагло, ложью беспардонной,
«Авторитетной» женщины среди бл...
15.04.97г.

Ветеран

Опала грудь, поникли ордена.
Взгляд горький внутрь сосредоточен.
Сутулится гусарская спина,
Шаг «строевой» уже непрочен.
Дрожит, когда — то твёрдая рука,
Истёрся чубчик кучерявый,
Морщина каждая — судьбы строка,
Зачёс бровей остался «бравый».
Задумчив он, но видит всё вокруг,
Ведь души наши не стареют.
От ярких вспышек, вдруг,
Невольно телом молодеют.
Медалей юбилейных перезвон,
В такт шагу будто усыпляет...
Он выпрямляется: нет, то не сон,
Как наяву война всплывает.
Дай Бог! Продлить, ещё живым, года!
Последних чтим мы в них героев.
Жалея: оскорбляем иногда,
А хамством: превращаем их в изгоев. 17.04.97г.

Москве — 850 лет

Чтоб сказал сегодня Грозный?
Или Ваня Колита?!
Видя облик твой позорный,
Русью всей ты проклята.
Ты! Возглавила разоры,
Накопления царей.
Отвратила друзей взоры
От распахнутых дверей.
Шкуры снял бы Пётр Великий
За потерю «берегов»
На дыбе б висел «Безликий»,
Нарубил бы он голов.
Красота твоя — блудлива,
Шик — купеческая блажь,
Безудержно говорлива,
Для Руси теперь — не страж.
Как серёжки на ушах,
Нищета и проститутки,
Страх и пустота в глазах,
Вновь ночлежки «незабудки».
Храм Христа, то не заслуга,
Не открытие для века,
Не моральная подпруга:
Бога нет без человека. 10.09.97г.

Мамаша! # Совету Матерей # Смирнову Ю.А.

Мамаша!

Если сын твой недоучка,
Да к тому же разгильдяй,
Неопрятен, белоручка —
На себя только пиняй.
С детства не привык к порядку?
Лень вперёд его идёт?
Не любил с утра зарядку?
«Дедовщина» его ждёт.
Коль товарищ он неважный,
Там, где трудно, он слабак,
Там, где страшно, не отважный —
Дело в армии «табак»
Если горд, самонадеян,
Липовый аристократ,
С детства птенчиком лелеян —
Будет армии не рад.
Самолюбие, спесивость
Из душонки, так и прёт?
А на деле, так трусливость —
«Дедовщина» его ждёт.
Не кивай на «дедовщину»,
На «армейское ярмо»,
Воспитала не мужчину —
едомыслие одно.
13.12.97г.

Совету Матерей

О чём печётесь вы, мамаша?
Скандалите по пустякам?
Ведь гибнут в школе дети ваши,
Авансом — отданы врагам.
Канат и шест давно забыты,
Не учат плавать их, стрелять...
Их тиры школьные закрыты,
Гранаты не дают метать,
Не учат делать перебежки,
Как снайпера перехитрить,
Преодолеть войны издержки,
Да что там, как в строю ходить!
Зато там секс легализован,
Чахоточных детей растят,
Порнографично образован
И нравственно дитя распят.
Поздно кричать, когда призвали,
Когда отправили на фронт,
Когда их с детства предавали —
Теперь ушли за горизонт.
28.10.99г.

Смирнову Ю.А.

Старики, Вы мои старики!
Прошагали мы твёрдо свой путь.
Не фальшивые мы игроки —
Нас не может никто упрекнуть.
Нас вскормила Советская власть!
Напоила идейной росой,
Потрудились, друзья мои, всласть,
В деле были мы острой косой.
Вдохновляла на подвиг — Страна.
Чётко знали, - зачем мы живём.
Приложили все силы сполна,
А теперь мы чернуху жуём.
Влил отраву нам в жизнь капитал,
Нечистоты поднял на верха
И ликует сегодня шакал,
Веселится одна шелуха.
В экономике видим провал:
Безыдейны — хапуги-дельцы,
«Годунова Бориса» развал,
Злобно «Грозного» хаят глупцы.
В душах наших не мрачная тень:
Мы достойно прожили свой век!
Не безрадостен завтрашний день:
Горд за дело своё человек.
28.06.00г.

АМЕРИКА! # Вахта памяти

АМЕРИКА!

Ты ненавистна всему Миру!
Ты самый главный террорист!
Всех душишь, кто твою доктрину
Не чтит — араб иль коммунист.
Бомбишь Ирак, грозишь Хусейну,
Пригрел Израиль, как дитя...
Всему арабскому бассейну
Ты — анаконда и гюрза.
Пол века душишь уже Кубу,
Европу давит твой сапог,
Народ Советский вздел на дыбу,
А сербов разбомбить не смог,
Пустил в ход «пятую колонну»:
Подло выкрал Слагодана,
Аллахом растоптал икону,
Сербия — сплошная рана.
В Белоруссии твой нос, в Чечне,
В Думе нашей в виде «правых»...
Весь Мир давно уже в войне
От политиков лукавых.
В кровавых пятнах шар земной
И не бен-ладаны в ответе,
В ответе — ты! И кто с тобой!
За весь бардак на белом свете.
Конфуз, растерянность скрывая,
От оплеухи на весь мир,
Бомбить грозишь, кого не зная...
Все не угодные — твой тир!
13.09.01г.

*** * ***

Я слышу не стратегов глас.
Слышу голос холуев.
Предавших по дешёвке нас,
Ложью разметав сынов.
Нет теперь для нас защиты.
Ведь наёмник не солдат.
Ясно всем, что будем биты:
Без души солдат не хват.
С детских лет растится воин:
Школой, фильмами, игрой...
Только тот в строю достоин
С детства кто готов на бой.
Покolenья все должны
К защите быть готовы.
Познать и дочери, сыны
Военные основы.
А с экономикой такой
И думой фарисейской
Нас ждёт кладбищенский покой
«В общине европейской».
Думской бравою шарашкой
Прифасонили фасад:
Опереточной фуражкой
Не прикройшь голый зад.
30.06.03г.

Вахта памяти

Что были в жизни вы, благодарю!
Всё лучшее, что было в вас, храню:
Жуклеев Гриша, Галаган
И Корешков, москвич, Иван,
Герой Гражданской, без упрёков,
Закалки царской, Сумароков
И горцы Грузии, армяне,
Сыны казахов и славяне...
За всех, кто пал сознательно в бою,
На вахте Памяти скорбя стою.
Никто не знал, из жизни как уйдёт.
Никто не полагал, что не придёт
На пир Победы в светлый час,
Что в радости не будет вас...
Без вас, за вас звенят бокалы,
Без вас, за вас дробятся скалы,
Без вас в мартенах льются стали,
Для памяти куют медали,
Без вас цветут поля в родном краю...
На вахте Памяти — без вас стою.
За вас несу я в Мир, всю жизнь, добро;
За вас в штыки, всю жизнь, встречаю зло;
За вас несу плоды труда,
Хоть ранят в сердце иногда...
В горниле творчества сгораю
И за убожества страдаю.
За вас, всегда, за всё в ответе
На вновь встревоженной планете...
За вас, среди рыцарей, друзья, в строю
На вахте Памяти — всю жизнь стою.
29.11.84г.

161

Я — коммунист!

Я — коммунист!

Им стал на фронте.
В боях редели их ряды.
Мир не светил на горизонте
И крови было, как воды.
Косил тогда свинец, как траву,
Призывно кто вставал в цепи.
А коммунист, в те дни, по праву
Среди бойцов был впереди...
В окоп, ко мне, пришли в затишье:
Парторг полка, наш капитан.
Описывать приём излишне,
Майорский из штадива сан.
Начали просто: «Мы вас знаем,
Нашли подход к бойцам в бою...
Стать коммунистом, предлагаем,
Достойный вы пример в строю».
Никто, в те годы не принуждал.
Сердцем каждый понимая,
Новым коммунистом в строй вставал,
Жизнь без торга отдавая...
Четвёртый, каждый — коммунист,
Из всех, в войну кто отдал жизни
И каждый был душою чист -
Служил беспопытно Отчизне.
Мы строили и защищали
И твёрдо верим, по сей день:
От рабства Мир освобождали...
Сейчас над нами рабства тень.
От имени погибших всех
И, век свой, отслуживших честно:
«Клянупо! Поганым, словом тех,
Кто всех нас мажет повсеместно!»
27.10.97г.

Вьётся Клязьма юркой змейкой
Меж сосновых берегов,
Льнут деревни к ней семейкой,
У ног древних городов.
В любой сезон ты хороша:
В половодие весной.
В покос, когда цветут луга,
В багрянце, снежною зимой.
Дорогой санною была
Врагам и для извоза...
К богатым берегам пришла
163
Татарская угроза.
И понеслась по всей Руси,
Сжигая веси, грады...
Тёмной тучей саранчи —
Ей не было преграды.
Воскресли краше города,
Богаче стали веси...
Но «демократия» пришла
Татарской хуже сечи.
15.12.04г.

Земляника кровавой росой
Усыпает из года в год,
Брустверы окопов над
Угрой, Предал их забвенью народ.
«Мины!» — надпись ещё на доске
В овраге идущем к реке.
Перебитые сосен стволы —
Калеки среди детворы.
Желтеют в траве черепа,
Из глазниц жутко смотрит война,
Сталь зубов, сапоги в шипах:
Гниют останки войны в лесах.
Чередой плывут облака,
Отражает их вечно река,
Но короток след от войны:
Забывают людские умы.
22.10.01 г.

В санаториях зимой
«Одуванчиков» полно!
Хоть суровою порой
От снегов без них бело.
Красят в залах интерьер
Серебром своих голов.
Зал питания, например,
Нагибаясь у столов.
В клубе, в танцах горячась,
Ритмом поднимают дух
И танцуют не боясь
Потерять последний пух.
«Одуванчики» мои!
Соколы военных лет!
Вы — салютные огни!
Вы — творцы былых Побед!
5.02.99г.

Короткие штанишки
Взрослый сын — ему уж пять!
Хочет быть военным...
Слыша это, учит мать:
«Первым, непременно,
Положением к тому —
Хорошо учиться;
Во-вторых, всегда в бою
Первым быть стремиться...»
Смотрит скучно сын на мать,
Нехотя, понуро
И, хотя ему лишь пять,
Отвечает хмуро:
«Не хочу я первым быть.
Хорошо учиться —
Первым могут и убить,
Как же отличится?»
11.05.85 г.

На завалинке # ЗА ОБОРОНУ ЗАПОЛЯРЬЯ

На завалинке

Богатства наши не года.
А то что сделали мы в жизни
И чем гордимся иногда,
Как послужили мы Отчизне.
Не ради жили орденов,
Шагая трудовой дорогой,
Не эгоизма был покров —
Пурпурною одеты тогой!
Она скрывала нашу кровь
И скоро заживали наши раны,
В ряды мы становились вновь!
Минуя подлости капканы.
И, на закате наших дней,
Не трудности нас угнетают:
Больную Мать любим сильней,
Во лжи Победы наши тают...
16.07.04г.

*** * ***

Почему я ещё молодой?
Не старею ранимой душой?
Рвётся стих из груди боевой
И бунтую с седой головой?
Потому, что не жил я двойной
Подлой жизнью в жизни земной.
Коль любил, так любил с головой,
Ненавидел, так полной душой.
Ни идей, ни друзей не предал,
Не предал друга жизни — жену,
Дело, делая, страха не знал,
Презирал я в борьбе клевету.
27.03.88г.

*** * ***

Бога нет — без человека!
Без людей, что значит Мекка?
Веры нет — темна дорога.
Человека нет — без «долга»!
Вера в жизни не для моды.
Разгадать закон природы —
Человек всегда стремился
И за веру смертно бился.
Изживал инстинкт скотины,
Очищал себя от тины
Предрассудков и соблазнов,
Всевозможных там маразмов.
Исчезали, слабых веры,
Бог войны жирел без меры
И оставил нам в наследство
Не богов — одно кокетство.

И.К. Репиной

ЗА ОБОРОНУ ЗАПОЛЯРЬЯ

МИМОВочки - девчоночки!
Служить мечтали за границей...
Война же вас "Дюймовочки"
Стальной схватила рукавицей.
Фронты нуждались в толмачах
Для перевода с иностранных.
Ужас стоял у вас в очах,
Служа в широтах заполярных.
В чулочках тонких, в "кирзочках",
В шинельках куцых и юбчонках
Вахты несли на кораблях
Дрожа, с фонариком в ручонках.
Открыты палубы ветрам
С мокрым снеговым зарядом.
Стучали пули по бортам
Зловеще бомбы рвались рядом.
Темень мурманских ночей,
Смрад "торгашей" горящих рядом,
Мечи прожекторных лучей ...
Все дни соперничали с адом.
Кошмары тех далёких дней
Волнуют память только вашу:
Страна забыла дочерей,
Хлебнувших с нею горя чашу.
29.03.05 г.

